

СЕРГЕЙ ГУРИЕВ И ДАНИЕЛ ТРЕЙСМАН

ДИКТАТОРЫ ОБМАНА

**НОВОЕ ЛИЦО ТИРАНИИ
В XXI ВЕКЕ**

**ДИКТАТОРЫ ОБМАНА:
НОВОЕ ЛИЦО ТИРАНИИ В XXI ВЕКЕ**
СЕРГЕЙ ГУРИЕВ, ДАНИЕЛ ТРЕЙСМАН

Boris Nemtsov
Foundation for Freedom

2023 ГОД

Диктаторы обмана: новое лицо тирании в XXI веке

Сергей Гуриев, Даниел Трейсман

Перевод

Фонд Бориса Немцова за свободу

Верстка

Павел Елизаров

Общее руководство изданием

Анна Чередниченко

© Фонд Бориса Немцова за свободу
перевод на русский язык, электронное издание

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	6
Предисловие	25
Введение	
Глава 1. Страх и обман	31
Часть I. Практическое руководство для диктатора	
Глава 2. Надзирать, а не наказывать	101
Глава 3. Постмодернистская пропаганда	167
Глава 4. Скрытая цензура	225
Глава 5. Демократия для диктаторов	293
Глава 6. Обман на экспорт	348
Часть II. Почему это происходит и что с этим делать	
Глава 7. Модернизационный коктейль	427
Глава 8. Будущее диктатур обмана	487
Библиография	556

Кате, Саше и Андрею
СГ

Сьюзи, Алекс и Ларе
ДТ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

С тех пор как мы отправили рукопись «Диктаторов обмана» в печать в начале 2021 года, ряд непредвиденных событий радикально изменил мировую политику. Летом того года американские войска вышли из Афганистана, и контроль над страной установили боевики движения «Талибан». Надежды на то, что в последнее время нравы талибов стали мягче, быстро развеялись. В Китае, на фоне распространения новых мутаций коронавируса, миллионы горожан сидели взаперти в собственных квартирах по решению президента Си Цзиньпина. И хотя изоляция обосновывалась медицинскими причинами, любой склонный протестовать житель Шанхая узнавал на себе, что такое домашний арест. В Гонконге с середины 2021 года удвоилось число политических заключенных¹. В Казахстане жестоко подавленные массовые беспорядки на время поставили под сомнение возможность плавной передачи

1 Political Prisoners Are Packing Hong Kong's Jails // Economist.

власти от одного автократа к другому. А самым чудовищным событием последних двух лет стала война, начатая российским президентом Владимиром Путиным против Украины. Лидер, прежде отличавшийся тонкими методами контроля, на этот раз, видимо, решил просто стереть соседнюю страну с карты мира.

Анализируя эти тревожные новости, трудно не задаться вопросом: не поторопились ли мы полтора года назад, утверждая, что по мере модернизации их экономик диктатуры страха трансформируются в диктатуры обмана? Не указывают ли недавние события на разворот глобального тренда? Конечно, мы можем ошибаться, но и сейчас нам так не кажется. Несмотря на отдельные признаки регресса, мы по-прежнему считаем, что искусное манипулирование информацией останется сутью диктатур и в будущем, – и все произошедшее вполне согласуется с нашим представлением о том, как в самых разных странах мира диктатуры обмана, действующие по собственным рецептам, переживают взлеты, как, впрочем, иногда и падения. Более того, текущие события наглядно демонстрируют, насколько важно Западу прикладывать больше усилий для противодействия им.

Диктатуры обмана отнюдь не пребывают в упадке. Казахский президент Токаев после силового подавления протестов в январе 2022 года быстро вернулся к стратегии манипуляций, предложив «демократиче-

скую» конституционную реформу, направленную, что очень важно, на ограничение влияния его предшественника. Процессы в Китае не затрагивают общего баланса между диктатурами обмана и диктатурами страха, так как Китай никогда не был диктатурой обмана. С первого дня Си использовал информационные инструменты не в качестве замены репрессий, а для того, чтобы пользоваться ими более адресно. Поскольку Китай – за исключением крупных городов – является преимущественно бедной страной, цена суровых репрессий остается для государства приемлемой. И Афганистану, где более 60 процентов населения неграмотно, до сих пор вряд ли требовались современные методы тирании².

Россия, где Путин с самого начала успешно освоил технологии диктатуры обмана, – это совсем другое дело. Путин манипулировал выборами, кооптировал средства массовой информации, оттеснял на обочину оппонентов, создавая эталонную модель диктатуры обмана для других автократов. Однако во второй половине 2010-х началось обратное движение, а к 2021-му он уже вплотную приблизился к диктатуре страха – это описано в примечаниях 6 и 7 к главе 1 нашей книги. Теперь же рубикон окончательно пе-

2 World Bank, Literacy Rate, Adult Total: (% of People Age 15 and above) — Afghanistan.

рейден. Когда российские танки пересекали границу с Украиной, путинские спецслужбы развязали войну внутри России, уничтожая немногочисленные оставшиеся независимые СМИ, блокируя Facebook, Twitter и другие социальные сети и угрожая всем критикам «специальной военной операции» пятнадцатью годами тюрьмы.

Что вызвало эти перемены? Наша книга дает ответ на вопрос. В главе 8 рассматривается дилемма диктаторов, которые, подобно Путину, пытаются удержать контроль над развивающимся обществом. Такие лидеры переходят от насилия к манипуляции в первую очередь под совокупным влиянием двух процессов: модернизации и глобализации. В «модернизационном коктейле» обман предпочтительнее страха, но в долгосрочной перспективе сохранять диктатуру с помощью обмана все равно непросто. Именно это и происходило в России. Последние 15 лет увеличивался охват высшим образованием, быстро распространялся широкополосный доступ в интернет, росла аудитория социальных сетей, а доверие к новостным программам на государственных телеканалах снижалось³. Видеоролики о коррупционных расследовани-

3 Статистику по поступлениям в вузы и использованию интернета см.: World Bank, School Enrollment, Tertiary (% Gross) — Russian Federation; и World Bank, Individuals Using the Internet (% of Population) — Russian Federation. Доля респондентов, для которых главным источником ново-

ях, которые публиковал в YouTube лидер оппозиции Алексей Навальный, набирали десятки – а иногда и сотни – миллионов просмотров и с 2017 года вызвали несколько волн уличных протестов. В обществе усиливалась поддержка свободы слова, права на получение информации и свободы мирных собраний, а в это время рейтинги одобрения Путина снижались с 82 % в апреле 2018-го до 59 % в мае 2020-го⁴. В течение семи лет до вторжения в Украину позитивное отношение населения к США и Европе также имело тенденцию к росту. В таких обстоятельствах информационные манипуляции – это непростое дело, и с каждым годом команда Путина справлялась с ним все хуже и хуже.

В этой точке диктаторы сталкиваются с выбором. Они могут либо и дальше оттачивать свое мастерство, как поступают бесконечно изобретательные сингапурские тактики, либо отказаться от обмана и вернуться к открытым репрессиям. Путин пошел именно по этому пути.

Путин не был первым диктатором обмана, выбравшим переход к диктатуре страха. В Венесуэле после

стей служит телевидение, упала с 79 % в 2009 году до 44 % в 2021-м, хотя после начала войны в Украине к середине 2022-го она подскочила до 50 %. См.: «Левада-центр», *Общественное мнение — 2021*. С. 108; и «Левада-центр», *Источники информации: Москва и Россия*.

4 См.: «Левада-центр», *Права и свободы*; «Левада-центр», *Одобрение деятельности Владимира Путина*.

смерти Уго Чавеса его преемник, Николас Мадуро, компенсировал отсутствие харизмы жестокостью. Турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган ответил арестами десятков тысяч политических противников на неудавшийся госпереворот. Устрашение – всегда шаг отчаяния, говорящий скорее о слабости, чем о силе. К тому же у модели, основанной на страхе, большие экономические издержки: сокращаются иностранные инвестиции, Запад вводит санкции, эмигрируют высококвалифицированные работники, а силовики заняты переделом бизнеса. Экономика Венесуэлы рухнула: по данным ООН, доход на душу населения снизился с 14 000 долларов США в 2010 году до менее 5 000 в 2019-м⁵. Турция погрузилась в стагфляцию с безработицей, превышающей 10 %, и инфляцией на уровне 80 %⁶. Экономический спад в России также поразителен, особенно учитывая темпы падения. Вместо прогнозирувавшегося до войны трехпроцентного роста ВВП ожидается, что в 2022-м экономика потеряет 6 % и ее сокращение продолжится в 2023-м⁷. В отличие от Венесуэлы и Турции, в России экономика разрушается несмотря на то, что цены на основные статьи ее

5 United Nations, Venezuela (Bolivarian Republic of): General Information; Economic Indicators.

6 World Bank, Türkiye; Lessons from Turkey on the Evils of High Inflation // Economist.

7 International Monetary Fund. Gloomy and More Uncertain.

экспорта – нефть и газ – остаются очень высокими.

С точки зрения выживания режима решение Путина начать войну было огромной авантюрой – и, вероятно, ошибкой. Он мог проводить репрессии внутри страны, не рискуя сокрушительными западными санкциями и значительными потерями на поле боя, способными восстановить общественное мнение против него. Полномасштабное российское вторжение в Украину потрясло нас не меньше других. Поскольку, как мы показываем в книге, диктаторы обмана редко используют военную силу, эти действия Путина свидетельствовали о полном переходе к политике страха. Методы ведения войны – от его откровенных злодеяний стынет кровь – говорят о непримиримости и готовности жечь мосты за собой и своими приспешниками. Вовлекая армию в совершение военных преступлений, Путин надеется заткнуть рот сторонникам умеренной линии, которые в будущем могли бы искать возврата к более мягкому курсу.

В любом случае отступить назад тяжело. Диктатура обмана строится на представлении о диктаторе как о компетентном, благонамеренном демократе. Либо общество действительно верит в это, либо делает вид, что верит. Но когда миф разоблачен, его почти невозможно возродить. Более вероятным становится дальнейшее сползание к жестоким репрессиям. Путину больше незачем оглядываться на интересы государ-

ства. Злобный национализм и риторика ресентимента сплотят одну часть общества. А другая его часть – по нашему мнению, вероятно, большинство – восторга не испытает, но до тех пор, пока какой-нибудь кризис не разрушит стабильность, она будет демобилизована страхом.

В то время как диктаторы в Венесуэле, Турции и России перешли к репрессиям, другие диктаторы обмана продолжают жить как прежде. Виктор Орбан ловко одержал очередную победу на венгерских выборах 2022 года. Маэстро сингапурской политики продолжают контролировать ситуацию. Президент Казахстана Токаев оперативно перелистнул страницу кровопролитных событий января прошлого года. Малайзия – после опыта демократии в 2018 году – вернулась в режим турбулентности. В Азербайджане и Танзании манипуляции проявляются сильнее, чем страх.

В направлении диктатур обмана дрейфуют и некоторые нестабильные демократии. Президенты Мексики и Бразилии, Андрес Мануэль Лопес Обрадор и Жаир Болсонару, использовали свою привлекательность в глазах массового избирателя, чтобы ослабить систему сдержек и противовесов. Впрочем, оба столкнулись с сопротивлением. К чему приведут их усилия, покажет время. В двух других случаях картина более удручающая. Президент Туниса Каис Саид воспользовался ранее завоеванной популярностью, чтобы рас-

пустить парламент и изменить конституцию в целях усиления собственной власти⁸. Сотрудники органов правопорядка выселили телекомпанию «Аль-Джазира» из ее тунисского офиса и отстранили от управления директора государственного канала «Ватания»⁹. В лучших традициях диктатур обмана прокуроры начали преследовать политических противников Саида по неполитическим статьям: бывшему премьер-министру Хамади Джемали были предъявлены обвинения в отмывании денег¹⁰. Второй пример в этом ряду – президент Сербии Александр Вучич, отработавший соответствующие навыки в 1990-е годы на должности министра информации в правительстве Слободана Милошевича. Хотя Сербия продолжает в целом считаться демократией, в стране наблюдаются характерные признаки деградации политических институтов¹¹. Партия Вучича контролирует большинство телевизионных станций и газет-таблоидов¹², многие из которых субсидируются и получают госзаказы на ре-

8 Parker C. Tunisian President Dissolved Parliament, Escalating Political Crisis.

9 Goldstein E. In Tunisia, State Television the Latest Battleground.

10 Amara T., Perry T. Analysis: Tunisia's Saied Poised for More Power but Economy Crumbles.

11 Popović S. Vucic's Media Domination 'Hard to Catch Up' in Serbia Election Campaign.

12 Rujevic N. Serbian Elections: Aleksandar Vucic's Media Dominance Aids Bid for Another Term.

кламу¹³. При этом они регулярно выражают сомнение в патриотизме оппозиции. Критически настроенные СМИ становятся ответчиками по искам о диффамации и компенсации морального вреда на огромные суммы и подвергаются масштабным и многочисленным налоговым проверкам¹⁴.

Одним словом, методички диктаторов обмана всегда найдут благодарных читателей. В последние годы описанные нами технологии часто применялись по всему миру. Команда Орбана выдавливала эфирные радиостанции в интернет, прикрываясь неполитическими основаниями. Одна из радиостанций, «Tilos Rádió», лишилась лицензии из-за бранных слов в эфире¹⁵. Другая, «Klubrádió», в недостаточном объеме транслировала венгерскую музыку¹⁶. (Наличие цензуры в стране правительство отрицает.) Повсеместно, не только в Сербии, востребованными оказываются гражданские или уголовные иски о диффамации. В 2022 году двоих журналистов в Сингапуре приговорили к трем неделям тюремного заключения за то, что они – ложно, по мнению властей, – обвинили мини-

13 Repucci S. Media Freedom: A Downward Spiral.; Reporters without Borders, Serbia.

14 Freedom House, Nations in Transit 2022: Serbia; Reporters without Borders, Serbia.

15 Reporters without Borders, Viktor Orbán's Regime Continues to Crush Media Pluralism in Hungary.

16 Gall L. Hungary Forces Klubradio Off Air.

стров кабинета в коррупции¹⁷. В Малайзии, снова проваливающейся в диктатуру обмана, стряхнули пыль со старого иска о диффамации против лондонского журналиста¹⁸.

Во второй главе мы отмечаем, как «серийные» аресты позволяют диктаторам обмана уклоняться от обвинений в использовании ограничения свободы как инструмента политического давления. В мае 2022 года внимание прессы было приковано к решению азербайджанского президента Алиева помиловать нескольких политзаключенных. Но полиция быстро произвела новые аресты¹⁹. Как и прежде, критикам государственной власти инкриминируют уголовные преступления; одного бывшего политзаключенного и блогера привлекли к ответственности за хранение наркотиков. В июле 2022 года казахстанская полиция арестовала «гражданского журналиста» по подозрению в вымогательстве денег у местного бизнесмена²⁰. Чтобы отвлечь внимание от собственных жестких мер, диктаторы обмана часто обвиняют в насилии оппози-

17 The Online Citizen Editor Terry Xu and Writer Jailed for Defaming Cabinet Members.Yahoo News..

18 Malaysia: Authorities Continue Criminal Defamation Case against Sarawak Report Editor.

19 Geybullayeva A. Azerbaijan Rocked by a New Wave of Politically Motivated Arrests.

20 Reed Ch. Kazakhstan: Citizen Journalist's Arrest Decried by Media Rights Advocated.

цию. А сербский президент Вучич, стремясь завоевать популярность, пошел еще дальше, обвинив врагов в подготовке покушения на свою жизнь. Местные СМИ и раньше сообщали о подобных планах заговорщиков. Однако аресты и выдвижение официальных обвинений случаются редко²¹.

А пока суд да дело, диктаторы обмана продолжают встраиваться в международные организации, чтобы манипулировать ими изнутри. (Так поступают и диктаторы страха, если у них остаются возможности для маневра.) Президент Турции Эрдоган искусно использовал в своих целях войну в Украине. С одной стороны, он продал Украине боевые дроны, а российским военным кораблям закрыл проход через Босфор и Дарданеллы. С другой же, он угрожал наложить вето на вступление Швеции и Финляндии в НАТО в случае невыполнения ряда условий, включая выдачу Анкаре проживающих в этих странах турецких оппозиционеров; он также отказался участвовать во введенных против России санкциях в области торговли и инвестиций.

Хотя ЕС использовал доступ к выплатам из фонда для борьбы с последствиями коронавируса, чтобы оказать беспрецедентное давление на Венгрию, Орбан про-

21 Milivojević B. Often in Media, Never in Courts: Should Threats of Assassination of Serbian President be Taken Seriously? European Western Balkans.

должает изворачиваться. Он обещает шаги навстречу Брюсселю в вопросах госзакупок, судебного преследования, общественных консультаций и энергетики²². Но ни одна из этих уступок не уменьшит его контроль над средствами массовой информации, судами и парламентом и не лишит возможности воздействовать на общественное сознание своей крайне правой риторикой. Демонстрируя неуважение к европейским ценностям, не так давно Орбан презрительно высказался о «смешанных расах» западных сообществ²³.

Диктаторы всех мастей продолжают злоупотреблять красными циркулярами Интерпола²⁴. В ноябре 2021 года Интерпол – как будто в насмешку над принципами организации – избрал своим президентом эмиратского генерала, обвинявшегося в причастности к пыткам. Несколько месяцев спустя во Франции была запущена судебная процедура для расследования поданной против него жалобы²⁵. Но Париж до сих пор не запросил выдачи красного циркуляра на самого генерала.

22 Dunai M., Fleming S. Hungary Seeks to Unlock €15bn Covid Recovery Funding with New Concessions.

23 Walker Sh., Garamvolgyi F. Viktor Orbán Sparks Outrage with Attack on ‘Race Mixing’ in Europe.

24 Michaelson R. «Illegal» Extradition of Bahraini Dissident from Serbia Calls Interpol’s Role into Question.

25 French Court Investigates Interpol Chief over Torture Claims. Associated Press.

Диктаторы обмана продолжают обзаводиться полезными друзьями на Западе. Заигрывания с Путиным не помешали Орбану на удивление успешно обхаживать американских консерваторов. В мае 2022 года участники Конференции консервативных политических действий (СРАС) провели заседание в Будапеште, а в августе венгерский президент сорвал овацию во время выступления на съезде Конференции в Далласе, успев перед этим встретиться с бывшим президентом США Дональдом Трампом в его частном гольф-клубе в Нью-Джерси²⁶. Как и Орбан, президент Сербии Вучич не прочь набрать очки за одобрение политики ЕС по изоляции России в связи с событиями в Украине. Глава Европейского совета Шарль Мишель, посетивший «дорогого друга Александра» в Белграде в мае 2022 года, был щедр на пряники: среди прочего фигурировали ускоренная евроинтеграция и миллиарды евро помощи балканским государствам из бюджета ЕС²⁷.

Нет ничего удивительного в том, что большинство диктаторов обмана продолжают править привычными методами, а на место тех, кто переродился в диктаторов страха, приходят новые манипулятивные

26 Why is the American Right Obsessed with Viktor Orban? // Economist; Weigel D., Arnsdorf I. Amid «Mixed Race» Speech Blowback, Orban Echoes Trump in Dallas.

27 Remarks by President Charles Michel after His Meeting in Belgrade with President Aleksandar Vučić of Serbia. European Council.

автократы. Модернизационный коктейль действует на всех. И – как мы показываем в книге – на данный момент ни модернизация, ни глобализация не повернули вспять, хотя, по-видимому, затормозились. Несмотря на пандемию Ковид-19, разрывы в глобальных логистических цепочках и значительный рост инфляции, международные торговые связи остаются прочными²⁸. По мере того как экономическая активность перетекает из сельского хозяйства и промышленности в постиндустриальный сектор услуг, во всем мире повышается уровень охвата населения высшим образованием²⁹. Количество пользователей интернета стремительно идет вверх: в 2019 году их насчитывалось 4,1 млрд, а в 2021-м – уже 4,9 млрд человек³⁰. В результате управлять большими группами людей с помощью страха становится сложнее. Тем не менее, неравномерность этого процесса дает нестабильным демократиям возможность скатиться в диктатуру обмана. В странах, подобных Тунису и Сербии, где в переломные моменты – в условиях мобилизованного гражданского общества и под пристальным вниманием Запада – были формально внедрены демократиче-

28 Global Trade Hits Record High of \$28.5 Trillion in 2021, but Likely to Be Subdued in 2022. United Nations Conference on Trade and Development.

29 World Bank, Services, Value Added (% of GDP); World Bank, School Enrollment, Tertiary (% Gross).

30 Internet Use. International Telecommunications Union. 2022.

ские институты, властолюбивые политики пытаются вернуться к манипуляциям.

Наша книга завершалась рассуждениями о том, каким образом Запад мог бы лучше противостоять диктатурам вообще и диктатурам обмана в частности. Сейчас, в середине 2022 года, определенные успехи имеются, но их явно недостаточно. Неспособность российских кибервойск причинить серьезный ущерб Западу – или даже Украине – говорит о довольно эффективном внедрении мер кибербезопасности. Но западным странам необходимо улучшать координацию между службами финансового мониторинга и контрразведки. А ведущим технологическим компаниям пора разработать системы, которые бы защищали и укрепляли демократию во всем мире, а не ограничиваться выпуском исправленных версий текущих продуктов. Хотя ответом на действия агрессивных диктаторов должно быть, в соответствующих случаях, военное или силовое сдерживание, нам не стоит опасаться налаживать взаимодействие с теми из них, кто сохраняет миролюбивый настрой. Эффективный мониторинг является не заменой взаимодействию, а подготовительным этапом, делающим взаимодействие возможным.

В качестве основного вызова мы указывали на необходимость восстановить веру в порядочность, компетентность и либерализм демократических государ-

ственных институтов. Конечно, это непростая задача. В последние полтора года мы видим некоторые подвижки и в этом направлении. Сплоченная и быстрая реакция Запада на агрессию Путина превзошла ожидания многих скептиков. Но кардинальные шаги по реформированию национальных институтов даются труднее. Штурм Капитолия США произошел 6 января 2021 года, и сегодня Министерство юстиции рассматривает возможность выдвинуть обвинения против первых лиц из администрации Трампа и его соратников по факту мятежа и попытки мошенническим путем сорвать утверждение результатов голосования на выборах президента США с помощью альтернативных списков выборщиков. Подобные разбирательства важны на будущее как средство, удерживающее проигравших кандидатов от попытки отменить результаты выборов. Судя по сообщениям прессы, некоторые сенаторы-республиканцы готовы поддержать поправки в Закон о подсчете голосов, размытые формулировки которого чреваты конституционными кризисами³¹. Когда вы будете читать это предисловие, мы уже будем знать, сделаны эти шаги или нет.

Но это только начало. Международные организации все так же крайне уязвимы для злоупотребле-

31 Hulse C. Bipartisan Senate Group, Strikes Deal to Rewrite Electoral Count Act // New York Times.

ний, и Интерпол тому наглядный пример. ЕС наконец приостанавливает выплату Венгрии средств из общего бюджета, надеясь побудить страну к соблюдению принципа верховенства права. Но сети западных помощников диктаторов сохраняют свое влияние. В этом отношении война в Украине подействовала как холодный душ. Путин, очевидно, недооценил реакцию Запада. Убеждая диктаторов в том, что Запад слаб и коррумпирован, такие помощники поощряют их агрессивность. Европа едва начала искоренять политическую нечистоплотность, распространяемую Москвой. Хотя Борис Джонсон, премьер-министр Великобритании, покидает Даунинг-стрит, вопросы о пожертвованиях Консервативной партии от доноров, связанных с Россией, остаются. В Италии две крупные прокремлевские партии в июле 2022 года помогли разрушить коалиционное правительство под руководством умеренного, проукраински настроенного премьер-министра Марио Драги³². Во Франции лидеры на всех концах политического спектра по идеологическим, личным или финансовым мотивам выступали с апологией курса Путина³³. Что же касается Германии,

32 Putin and Berlusconi in Crimea Wine Row. BBC; Nardelli A. Revealed: The Explosive Secret Recording That Shows How Russia Tried to Funnel Millions to the «European Trump»; Amante A. Italy's Salvini Challenged over Putin Praise in Polish Visit. Reuters.

33 Berlinski C. Macron Just Can't Quit Putin. But His Opponents Are Worse // Politico.

энергетическая политика, проводившаяся с конца 1990-х двумя канцлерами подряд, сделала страну уязвимой для шантажа со стороны России.

2022 год показал опасность двусмысленных сигналов. После захвата Россией Крыма в 2014 году и разжигания вооруженного конфликта в Донбассе западные лидеры выступали с публичным осуждением российских действий и вводили умеренно жесткие санкции. Но значительная часть западных элит все так же питала расположение к Путину, преуменьшая опасность его незаконных действий. Суть демократии в том, что каждый волен высказывать свое мнение и выбирать себе друзей. И, как мы отмечали выше, взаимодействие может стать рычагом перемен. Но в мире искусных манипуляторов ведущие западные политики и бизнесмены должны помнить о рисках оказаться инструментом в чужих руках или быть неверно понятыми. Разоблачая методы диктаторов обмана, мы надеялись способствовать появлению более надежных подходов для противодействия им. Сегодня эта задача важна как никогда.

Париж и Лос-Анджелес, сентябрь 2022 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

В самом начале XXI века в мировой политике был достигнут важный рубеж. Впервые число демократических государств превысило число стран с авторитарным политическим устройством. На пике мощной «третьей волны» демократизации эксперты насчитали 98 стран со свободным правлением и 80 все еще находившихся под контролем диктаторов¹. Это внушало оптимизм. Казалось, новые информационные технологии, глобализация и экономическое развитие говорили автократам: «ваше время истекло». Страны модернизировались, и тирания изживала себя.

Но праздник оказался недолгим. Фактически он даже не успел начаться. В течение нескольких лет распространение свободы по миру сошло на нет, и наблюдатели заговорили о «рецессии демократии». Грандиозный финансовый кризис, зародившийся в США, обвалил мировую экономику и подорвал доверие к за-

¹ См. данные «Varieties of Democracy», версия 10. В качестве демократий мы рассматриваем «электоральные демократии» и «либеральные демократии» (переменная «Regimes of the World» – «Политические режимы в мире»). В 2010 году таких было 98.

падной системе государственного управления. К 2019 году количество демократий сократилось до 87, а число диктатур выросло до 92. На Западе либерализм проигрывал конкуренцию популизму, в то время как на Востоке все внимание было приковано к стремительному взлету Китая. Радостные надежды, возникшие на пороге нового тысячелетия, сменились унынием.

Конечно, сегодняшней пессимизм в отношении будущего политических систем не вполне оправдан. Большинство параметров, по которым оценивается демократия в мире, продолжают находиться вблизи исторических максимумов. Но все же, даже если диктатуры пока установились не везде, непонятно, как в сверхмодернизированном мире им удастся не только сохраняться, но и процветать? Почему после того, как все кровожадные и безумные режимы XX века – от фашистского до коммунистического – полностью дискредитировали себя, на их пепелище возникают новые автократии? Какими мотивами руководствуется автократ, взявший на вооружение весь инструментарий современного мира и борющийся против западного образа жизни западными же технологиями?

Китай с большой численностью населения и взрывными темпами роста как будто оппонирует либеральной демократии. Создается впечатление, что экономические успехи этой страны (на которые не повлияли ни мировой финансовый кризис 2008–2009 годов, ни

даже пандемия 2020-го) опровергают теорию о народо-власти как источнике экономического роста. Однако за исключением столичных агломераций Пекина и Шанхая и поражающих великолепием портовых Гонконга и Макао страна остается преимущественно бедной, а население – легко управляемым с помощью методов индустриальной, а то и доиндустриальной эпохи. Большой загадкой является долговечность недемократического правления в таких обществах, как Сингапур и Россия, где люди с высшим образованием встречаются чаще, чем в большинстве западных демократий. Следует ли из этих примеров, что миру грозит авторитарное будущее?

В нашей книге предпринята попытка объяснить природу современных диктатур. Эта книга основана на наших исследованиях и личном опыте. На протяжении многих лет с помощью научного анализа и свидетельств очевидцев мы отслеживали становление путинской системы в России. Мы пришли к выводу, что режим Путина не уникальный, а, скорее, показательный; он находится в русле тенденций становления и развития авторитарных режимов по всему миру – от Венесуэлы Уго Чавеса и Венгрии Виктора Орбана до Малайзии Махатхира Мохамеда и Казахстана Нурсултана Назарбаева. Наблюдатели затрудняются с подбором точного термина для описания этого типа лидера. Одни позволяют себя убедить в том, что это пусть не-

совершенные, но демократии; другие именуют Путина «царем», а Эрдогана «султаном» по неудачной аналогии с историческими самодержцами. С нашей точки зрения, всех этих правителей отличает новаторский – хотя и неоригинальный – подход, продлевающий дни автократий даже в современном глобализованном мире. Главное в нем – обман: большинство сегодняшних диктаторов скрывают свою истинную сущность. Поэтому первым делом нужно разобраться, как эти режимы устроены на самом деле. В следующих главах анализируются причины возникновения и принципы работы этих режимов, а также угрозы, исходящие от них, и доступные Западу способы противодействия.

Книга опирается на результаты наших теоретических и эмпирических исследований, опубликованных в научных журналах по экономике и политологии; в этой книге мы постарались изложить их основные тезисы популярным языком. Там, где это возможно, мы сопровождаем свои рассуждения ссылками на публикации (включая наши собственные) и данные. Разнообразные таблицы и графики представлены на сайте книги по адресу: <https://press.princeton.edu/books/spin-dictators>, и мы даем ссылки на эти материалы в разделах «Сверимся с данными», которые завершают соответствующие главы книги.

За прошедшие годы многие коллеги и друзья делились своими размышлениями по поводу представ-

ленных в книге идей. Мы хотели бы поблагодарить Альберто Алесину, Максима Ананьева, Марину Аццимонти, Тимоти Бесли, Брюса Буэно де Мескита, Бретта Картера, Чао-е Чэна, Джорджа Дерпанопулоса, Тибериу Драгу, Георгия Егорова, Чериана Джорджа, Лизу Джордж, Франческо Джиавацци, Гилат Леви, Эндрю Литтла, Элиаса Папайоанну, Торстена Перссона, Ричарда Портеса, Андреа Прата, Эудженио Прото, Жерара Ролана, Артураса Розенаса, Миклоша Сарвари, Пола Сибрайта, Даниэля Сайдманна, Дэвида Скарбека, Константина Сони́на, Франческо Сквинтани, Оэна Стаффорда, Дэвида Стромберга, Гвидо Табеллини, Гергея Уйхели, Цянь Вана, Фэн Яна и Фабрицио Зилиботти. Джеват Аксой, Андерс Аслунд, Джонатан Эйвс, Дэнни Бахар, Карлес Бош, Максим Бойко, Хавьер Корралес, Тим Фрай, Барбара Геддес, Скотт Гельбах, Сьюзан Ландесманн, Ли Моргенбессер, Питер Померанцев, Молли Робертс, Дани Родрик, Майкл Росс, Андрей Шлейфер, Андрей Солдатов, Арт Стейн, Милан Сволик, Адам Сзайдл, Ференц Сюч, Майкл Трейсман, Джош Такер, Дэвид Янг и Екатерина Журавская, а также двое анонимных рецензентов, пожелавших не раскрывать свои имена, прочли всю рукопись целиком или ее части и высказали бесценные замечания. Особая благодарность Андрею Шлейферу, посоветовавшему превратить наши исследования в книгу. Безусловно, ответственность за все неточности, которые

есть в тексте, целиком лежит на нас. Кевин Гаттер, Никита Мельников и Екатерина Немова оказали огромное содействие в исследовательской работе. Нам также очень помогли профессиональные рекомендации и поддержка со стороны коллектива Princeton University Press – Бриджет Фланнери-Маккой, Сары Каро (которая теперь работает в Basic Books), Эрика Крахана и Алены Чеканов.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. СТРАХ И ОБМАН

Диктаторы сегодня уже не те, что прежде. Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Мао Цзэдун – классические тираны XX века, лица эпохи – несут ответственность за смерть миллионов людей. Своей миссией они видели строительство новых цивилизаций в пределах надежно охранявшихся – и иногда расширявшихся – границ своих государств. Эта задача требовала контроля не только над публичным поведением граждан, но и над их личной жизнью. Поэтому каждый создал партию с четкой внутренней дисциплиной и обзавелся людоедской тайной полицией. Далекое не всякий диктатор старой школы становился убийцей народов или апологетом утопических идей. Но и наименее кровавые из них были мастерами создания атмосферы страха. Террор был универсальным орудием диктаторов прошлого.

Однако в конце XX века начались заметные изменения. Автократы всех стран стали появляться на

официальных мероприятиях не в военной форме, а в деловых костюмах. Почти все они перестали казнить политических противников на футбольных стадионах, набитых зрителями. Многие участвовали в ежегодных конференциях Всемирного экономического форума в Давосе, чтобы накоротке пообщаться с мировой элитой. Эти новые диктаторы пользовались услугами социологов и политических консультантов, общались на «прямых линиях» с народом, а их дети учились в западных университетах. В то же время они продолжали держать население в узде и изобретали все более эффективные инструменты контроля. При этом они оставались в образе демократов.

Не все автократы перешли к новым методам управления. Северокорейский диктатор Ким Чен Ын и сирийский диктатор Башар Асад отлично смотрятся в одном ряду с деспотами XX века. Китай и Саудовская Аравия не отказались от страха как инструмента контроля – они его оцифровали. И все же соотношение сил в мире изменилось. Типичный представитель недемократических лидеров сегодня – это не тиран вроде Иосифа Сталина, не садист и мясник вроде Иди Амина и даже не генерал-реакционер вроде Аугусто Пиночета. Это обходительный манипулятор, подобный венгерскому премьер-министру Виктору Орбану или премьер-министру Сингапура Ли Сяньлуну: первое лицо государства выдает себя за скромного слугу

народа¹.

Новая модель основана на блестящей идее. Главная цель современных диктаторов – монополизация политической власти – осталась прежней. Но они понимают, что в сегодняшнем обществе нет необходимости в насилии, а иногда оно просто вредно. Не терроризируя граждан, умелый автократ может контролировать людей, перепрограммируя их представления о мире. Он может обманом заставить их подчиняться или с энту-

1 О доминировании Партии народного действия в Сингапуре см., например, Freedom House, исследование Freedom in the World 2021: «Парламентская политическая система Сингапура находится под контролем правящей Партии народного действия (ПНД) и семьи действующего премьер-министра Ли Сяньлуна с 1959 года. Электоральная и правовая система, выстроенная ПНД, допускает некоторый политический плюрализм, но ограничивает рост реальных оппозиционных партий и свободы выражения, собраний и ассоциаций». В сентябре 2020-го премьер-министр Ли Сяньлун, как можно понять, высказал сомнение относительно возможности успешного развития страны под управлением другой партии: «Правда ли, что однажды, если сменится правительство, новая партия сможет так же хорошо управлять страной?.. Но говорить так – все равно, что утверждать, что любой человек может быть дирижером Нью-Йоркского филармонического оркестра» (Loong L. H. PM Lee Hsien Loong at the Debate). Другое описание системы как далекой от демократии: Morgenbesser L. Behind the Façade. P. 146–147, и George Ch. Singapore, Incomplete. P. 115–122. О демонтаже демократии, производимом Орбаном, см.: Garton Ash T. Europe must stop this disgrace; Beauchamp Z. It happened there; и How Viktor Orbán Hollowed Out Hungary's Democracy // Economist. Классификатор политических режимов Varieties of Democracy (V-DEM) относит Сингапур и Венгрию к недемократическим странам, Freedom House – к категории «частично свободные», Polity определяет Сингапур как недемократическую страну, а Венгрию (данные 2018 года) как все еще демократию.

визмом одобрять любые его действия. Новые диктаторы добиваются результатов не жестокими репрессиями, а манипулированием информацией. Подобно политтехнологам в демократических странах, современные диктаторы, чтобы обеспечить поддержку народа, жонглируют словами. Они – *диктаторы обмана*².

ЗАГАДКА ПУТИНА

С этой темой нас связывают особые обстоятельства. В марте 2000 года российские граждане выбрали президентом бывшего подполковника КГБ с небольшим опытом в политике. Публично Владимир Путин заявлял о своей приверженности принципам демократии, хотя инстинкты, очевидно, подталкивали его в другом направлении. Какое-то время оставалось неясным – возможно, и для него самого, – куда он поведет страну. По мере бурного роста экономики его рейтинги росли до небес.

2 В более ранних работах (Guriev S., Treisman D. Informational Autocrats; Guriev S., Treisman D. A theory of informational autocracy; Guriev S., Treisman D. The Popularity of Authoritarian Leaders) мы обозначали эту модель управления термином «информационная автократия». В этой книге ту же модель мы называем «диктатурой обмана» («spin dictatorship»). Отличное исследование нескольких недавних примеров можно найти в: Dobson W. J. The Dictator's Learning Curve.

Путин поддерживал видимость демократии, одновременно подчеркивая необходимость построения современного государства. В начале его правления, на фоне беспокойных 1990-х, централизация управления казалась разумной мерой. Но через некоторое время его действия, направленные на укрепление исполнительной власти – его власти – стали ощутимо подрывать систему сдержек и противовесов. Пространство для политической конкуренции существенно сузилось.

Тараном, который снес демократические институты, стала популярность Путина. Он использовал ее, чтобы провести в парламент своих сторонников и приструнить непокорных региональных губернаторов. Полицейской силой и экономическим давлением он укротил до того принадлежавшие олигархам, но действовавшие на конкурентном рынке, СМИ. Продолжая формально соблюдать электоральные процедуры, он и его советники все меньше полагались на волю случая и во время выборов. В начале его правления и сам Путин, и его партия «Единая Россия» могли победить практически на любых свободных и справедливых выборах, но они все равно пускали в ход давление и махинации, чтобы сделать свою внушительную победу еще более впечатляющей.

Идеальных демократий не бывает. Некоторое время российская политическая сфера во многом напомина-

ла те, что сложились в других полусвободных странах со средним уровнем дохода – в Аргентине, Мексике, Румынии. Почти все указанные страны страдают от коррупции, нечестных выборов и плохо защищенной свободы прессы. Их политические лидеры часто злоупотребляют властью над полицией и судами. Тем не менее, эти недостатки обычно сглаживаются наличием механизмов политической подотчетности.

Путин, в 2012 году вернувшийся в президентское кресло после четырех лет на должности премьер-министра, явно играл в игру уже по другим правилам. В конце 2011 года Москву и другие города захватила волна протестов из-за фальсификаций на состоявшихся незадолго до этого парламентских выборах. Вид почти стотысячной толпы на улицах встревожил Путина и его советников. Ответом на народные волнения стали аресты мирных демонстрантов, выдавливание нелояльных политиков из парламента и гонения на остававшиеся независимые СМИ.

Мы оба внимательно следили за тем, как разворачивался этот процесс. Сергей возглавлял российский экономический вуз и консультировал российское правительство. Даниел был профессором западного университета; он изучал политику России посткоммунистического периода. Весной 2013-го следователи провели обыск в офисе Сергея, изъяли его электронную переписку и скопировали жесткий диск компью-

тера. Сергей участвовал в экспертизе последнего на тот момент приговора в отношении Михаила Ходорковского, миллиардера, осужденного по надуманным обвинениям. Судя по всему, Кремлю не понравились критические выводы экспертов. Вскоре после этих событий Сергей уехал во Францию³.

Система, построенная Путиным в России, носит отчетливо авторитарный характер. Но этот авторитаризм – особенный. В отличие от Сталина, Путин не убивал миллионы людей и не сажал их миллионами за решетку. Даже Леонид Брежнев, руководивший Советским Союзом на более позднем и менее репрессивном этапе с 1964-го по 1982-й, отправил тысячи диссидентов в трудовые лагеря и психиатрические больницы, запретил деятельность оппозиционных партий и не провел ни одних сколько-нибудь конкурентных выборов. Ни о каких демонстрациях несогласных тогда не могло быть и речи. Все средства массовой информации были заполнены отупляющей идеологической жвачкой. Иностранные радиостанции глушили, а на пути заграничных поездок подавляющего большинства граждан стоял ржавеющий железный занавес.

Вплоть до полномасштабного вторжения в Украину в 2022 году путинский режим, существовавший уже больше двадцати лет, был не таким. Он не использо-

3 Подробнее см.: Barry E. *Economist Who Fled*.

вал цензуру советского образца. В России выходили газеты и книги, в которых хозяина Кремля прямо называли «диктатором», – но загвоздка в том, что они мало кого интересовали⁴. Режим не был основан на страхе – так было до недавнего времени. Отдельные акты политического насилия случались, обычно при не до конца выясненных обстоятельствах, но Кремль никогда не признавал своей ответственности за них⁵. И, хотя политические оппоненты Путина ощущали все большее беспокойство, основная масса россиян не чувствовала угрозы⁶. Многие с готовностью принима-

4 Возможно, это прозвучит странно от человека, которого проверяли спецслужбы из-за того, что он участвовал в подготовке некоего документа. Но в случае Сергея внимание Кремля было привлечено не тем, что он выступил с публичной критикой властей – подобная практика была довольно распространена, – а тем, что, с их точки зрения, он вмешался в политически значимое судебное разбирательство.

5 В феврале 2015 года один из лидеров антипутинской оппозиции Борис Немцов был убит у стен Кремля. За это убийство к лишению свободы был осужден бывший офицер чеченских силовых структур и еще четыре человека. Заказчик убийства судом не установлен (см. Necherurenko I. Five Who Killed Boris Nemtsov // The New York Times). Оппозиционный политик и активист Владимир Кара-Мурза был дважды отравлен в России и оба раза был близок к смерти (Eckel M., Schreck C. FBI Silent on Lab Results in Kremlin Foe's Suspected Poisoning). В 2020-м лидер оппозиции Алексей Навальный также был отравлен веществом нервно-паралитического действия группы «новичок» (Bennhold K., Schwirtz M. Navalny Awake and Alert). Кремль отрицал свою причастность ко всем этим случаям.

6 Нападения на Немцова, Кара-Мурзу и Навального и подобные им являлись четким сигналом противникам Кремля. Но испытывали ли страх обычные люди? Конечно, мы не можем знать наверняка, но свидетель-

ли искаженную версию реальности, конструированием которой были заняты государственные СМИ. При коммунизме власти пытались создать иллюзию сплоченного общества с помощью первомайских демонстраций и ритуальных выборов. При Путине общество сплотили иллюзии⁷.

ства указывают на то, что не испытывали – или, по крайней мере, так было до недавних пор. Независимый и авторитетный Левада-Центр в 2019 году проводил опрос о наиболее сильных эмоциях, которые респонденты испытали в последнее время. Только 7 % людей назвали страх. На вопрос о том, какие, по их мнению, эмоции испытывали другие люди в прошедшем году (кажется, такая формулировка воспринимается менее болезненно), страх назвали только 13 %. Самым популярным (36 %) был ответ «усталость, безразличие». В опросах 2003–2017 годов респондентов спрашивали, боятся ли они «возврата массовых репрессий». Больше всего россиян отметили этот страх в 2013 году (30 %), но в том же году респонденты еще сильнее боялись мировой войны, нападения преступников, стихийных бедствий, безработицы и СПИДа. Тем не менее, процент опасующихся возвращения репрессий рос с 2017 года и в 2021-м достиг 52 % – вероятно, как раз в то время, когда Путин завершил свои эксперименты со стратегией обмана (см. «Левада-центр», Характер и структура массовой тревожности в России). В четвертой главе будут представлены данные, указывающие на то, что в диктатурах обмана большая часть респондентов социологических опросов в целом не опасается высказываться критически по отношению к власти.

- 7 В 2020–2021 годах, пока мы писали эту книгу, применение жестких мер против антипутинской оппозиции – и даже тех, кто просто делал оппозиционные высказывания, – расширилось. По данным правозащитного центра «Мемориал», количество политических заключенных увеличилось с 45 в конце 2014 года до 81 в августе 2021-го; также были люди, осужденные за религиозные убеждения (Мемориал, Годовой отчет, 2013–2014, 20; Мемориал, Список лиц, признанных политическими заключенными). Протесты были подавлены, тысячи человек задержаны. В восьмой главе мы пишем, что диктатуры обмана, похожие на ту,

Чем дольше мы анализировали возникающую систему, тем яснее видели, что стиль управления Путина не был уникальным. Недемократические лидеры всего мира – от Уго Чавеса в Венесуэле до Виктора Орбана в Венгрии – пользуются одними и теми же инструментами⁸. Многие вдохновлялись примером основопо-

что установилась в первые годы правления Путина, могут переходить к жестким репрессиям, если политика обмана перестает работать в результате тяжелого экономического кризиса или модернизации общества. Репрессии, скорее всего, дадут эффект лишь на короткое время, но у правителя в тот момент может не быть лучшего выбора.

Вероятно, именно этот процесс начался в России в 2021 году. При этом, хотя политзаключенных стало больше, их счет шел на десятки, а не тысячи. Политические убийства случаются реже, чем в большинстве диктатур страха, описанных в книге, и роль государства в них скрывается (хотя не всегда умело). Вплоть до 2022 года Кремль продолжал делать вид, что выборы проводятся свободно и справедливо и что мирные шествия разрешены. YouTube в целом свободен от цензуры. Хотя нападки на независимые СМИ, например, «Новую газету», и социологические службы, такие как «Левада-Центр», учащались, их работа продолжалась. В политических делах обвинения обычно предъявлялись по статьям об «экстремизме» и «терроризме», а также по неполитическим статьям. Навальный был лишен свободы в 2021 году по надуманному обвинению в мошенничестве в отношении компании-производителя косметических средств. В апреле 2021-го власти объявили его политическую сеть («Штабы Навального») «экстремистской», вынудив тем самым прекратить деятельность (SAUER P. *End of an Era*; ROTH A. *Russian State Watchdog Adds Navalny*). В начале 2021-го, по нашему мнению, диктатура в России занимала пограничное положение между обманом и страхом, все больше продвигаясь в сторону диктатуры страха. Как мы пишем в предисловии к изданию 2023 года, переход к диктатуре страха, по всей видимости, произошел в начале 2022 года.

8 В этой главе мы также проводим сравнение диктаторов обмана с политиками-популистами в демократических странах, такими как Сильвио

ложника этой новой традиции Ли Куан Ю. Он возглавил Сингапур в 1960-е годы и несколько десятилетий стоял у его руля, создав эталонную модель политического контроля. Возможно, кто-то удивится, услышав это, ведь Сингапур заявляет о себе как о демократии (и многими так и воспринимается), а в стране регулярно проходят выборы. Но в этом и заключается главное новшество автократов последнего поколения: они успешно выдают себя за демократов. «У вас есть право называть меня, как угодно, – осадил как-то Ли одного критически настроенного журналиста, – но... зачем мне быть диктатором, если я и так могу безоговорочно победить?»⁹ Впрочем, он не уточнил, что именно безоговорочные победы на всех выборах являются визитной карточкой современного диктатора.

ТИРАНЫ XX ВЕКА

Что такое диктатура? Этот термин возник в Римской республике и означал временное наделение должностного лица абсолютной властью для управления государством в чрезвычайных обстоятельствах. В наши дни словом «диктатура» обозначается недемо-

Берлускони и Дональд Трамп (см. ниже).

9 Safire W. Essay: The Dictator Speaks.

кратическая форма правления. Оно стало синонимом авторитаризма и автократии, и в этом же смысле мы используем его в нашей книге. В свою очередь, демократия – это система, в которой политические лидеры избираются на свободных и честных выборах, открытых для участия всех – или почти всех – взрослых граждан. В *либеральной* демократии помимо наличия свободных выборов соблюдается принцип верховенства права, конституция защищает гражданские права и свободы и работает система институциональных сдержек и противовесов.

До XX века в мире не было ни одного полностью демократического государства. Даже те, в которых проводились свободные и справедливые выборы, отказывали в праве голоса большинству женщин¹⁰. В 1900 году только в пяти странах избирательное право распространялось на всех *мужчин*, и в их число не входили США, где на юге страны избирательные права афро-американского населения были ограничены

10 Остров Мэн, Острова Кука и Новая Зеландия предоставили женщинам право голоса на национальных выборах ранее 1900 года, но они были колонией, протекторатом или зависимой территорией Британской короны соответственно, а не независимыми государствами (Teele D. L. Forging the Franchise. P. 1–3). В некоторых других случаях женщины, владевшие собственностью, могли голосовать, но обычно только на местных выборах. В отдельных штатах США правом голоса обладали все женщины (напр. Вайоминг, Колорадо, Юта и Айдахо).

так называемыми «Законами Джима Кроу»¹¹. Помимо нескольких республик с ограниченным избирательным правом, таких как США, политические системы относились к одной из трех категорий: *монархия*, где верховная власть короля или королевы иногда была ограничена конституцией и частично избираемым парламентом; *олигархия*, в которой власть принадлежала узкой группе наиболее богатых людей; и *колония* – то есть территория, находившаяся под властью иностранного государства.

Ситуация поменялась в XX веке, когда по миру прокатились три великие «волны» демократизации¹². Первая достигла своего пика около 1920 года; ее подъему способствовали развал европейских империй вследствие Первой мировой войны, образование национальных государств и либерализация избирательного права в странах Запада. Вторая волна пришлась на период между концом 1940-х и началом 1960-х и была вызвана тем, что победители во Второй мировой войне насаждали демократические институты в проигравших странах, а в бывших азиатских и африканских колониях состоялись выборы. Третья волна – настоящее цунами – началась с португальской «револю-

11 Франция, Бельгия, Швейцария, Греция и Канада (мы используем Lexical Index of Electoral Democracy; см.: Skaaning S.-E., Gerring J., Bartusevicius H. A Lexical Index of Electoral Democracy).

12 Хантингтон С. Третья волна; Markoff J. Waves of Democracy.

ции гвоздик» 1974 года, набрала скорость около 1990-го благодаря падению коммунистических режимов и достигла зенита в середине двухтысячных. К 2015 году больше половины всех стран были электоральными демократиями (в них проживало 53 % населения Земли), а примерно каждая четвертая – либеральной демократией¹³.

Впрочем, несмотря на распространение демократии в мире, диктатуры не исчезли; за каждой из двух первых волн демократизации последовали откаты. В те отчаянные годы казалось, что идея свободного правления потерпела полный крах. В 1930-е («низкое и бесчестное десятилетие» по выражению У.Х. Одена) авторитарные режимы захватили европейский континент. Диктатуры не просто воспряли – они мутировали. Югославия, Румыния и ряд других стран еще держались за монархическую форму правления. Но бок о бок с ними уже прорастали формы тирании, лучше приспособленные для вовлечения народных масс в политику – то есть для того, без чего немыслима демократия. В ходе и по окончании Первой мировой во-

13 Мы используем данные «Varieties of Democracy» (V-DEM), версия 10, переменная «Regimes of the World» («Политические режимы в мире»), в 2015 году 23,5 % стран были либеральными демократиями. См.: Coppedge M. et al. V-Dem Codebook V.10. В действительности доля демократий выше, поскольку V-DEM не включает несколько небольших островных демократий в Карибском бассейне и в Азии.

йны миллионы рабочих и солдат, не имевшие прежде никакого опыта участия в политических процессах, впервые голосовали на выборах. Все это происходило на фоне кровавого побоища планетарных масштабов, подорвавшего веру в либеральный догмат о необратимости прогресса.

Два новых режима – коммунистический и фашистский – занимались мобилизацией низших классов; оба сулили полное преобразование общества. Ленин и его партия большевиков предлагали строить коммунизм на обломках Российской империи. Целью нацистской партии под руководством Гитлера было создание империи арийской расы. Захватив власть, большевики и нацисты насаждали идеологии, созданные по лекалам своих лидеров. Раймон Арон называл эти учения «светской религией». Как и традиционные верования, они постулировали истины, не подлежащие сомнению, переносили внимание людей с лишней дня настоящего на образы светлого будущего и вводили обряды, помогавшие отделять правоверных членов общины от еретиков¹⁴. И у Ленина, и у Гитлера нашлись подражатели не только в Европе.

Третья новая модель – корпоративизм – опиралась не на политическую мобилизацию масс, а на их демобилизацию в границах частной жизни. Португаль-

14 См. Aron R. The Future of Secular Religions.

ский диктатор Антониу ди Салазар, испанский каудильо Франсиско Франко и подобные им консерваторы мечтали возродить доверие общества и иерархический порядок католической веры¹⁵. Вместо шумных парламентов они учреждали совещательные органы из избранных представителей разных социальных групп. В той же степени, что и первые две из упомянутых доктрин, корпоративизм вырос из отвращения к настоящему. Но в отличие от фашистов и коммунистов, стремившихся в воображаемое будущее, корпоративисты надеялись вернуться в воображаемое прошлое.

Фашизм сгорел в пламени Второй мировой войны, а коммунизм не только уцелел, но и продолжил экспансию. Корпоративизм закрепился в Португалии и Испании и отозвался эхом, например, в режиме Хуана Перона в Аргентине¹⁶. Второй взлет авторитаризма начался в 1960-е вслед за спадом в послевоенной волне демократизации. В хрупких постколониальных республиках к власти пришли тираны-садисты, а экономически неустойчивые страны Латинской Америки захватили военные хунты. Одни диктаторы этой генерации, по примеру коммунистов и фашистов, стремились добиться от населения активной поддержки

15 Пинту А. К. Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период.

16 См. напр.: Wiarda H. J. Corporatism and Comparative Politics.

за счет политической мобилизации. Другие, такие как корпоративисты, культивировали в массах пассивность. На политической сцене мира соседствовали такие революционеры-социалисты, как президент Египта Насер (придерживался мобилизационной модели), реакционеры и поборники свободного рынка, подобные президенту Чили Пиночету, и клептократы, вроде Мобуту в Заире (и Пиночет, и Мобуту предпочитали демобилизацию). Дряхлеющие коммунистические режимы часто переходили от мобилизационной модели к демобилизационной, продолжая цепляться за старые революционные доктрины, носившие все более ритуальный характер.

Даже из такого краткого обзора видно, что диктатуры в XX веке отличались разнообразием. И все же у них есть ряд общих черт. Для начала, подавляющее большинство диктаторов проводили *жестокие репрессии*. Репрессии служили инструментом преобразования общества, эксплуатации человеческих ресурсов и подавления оппозиции. Разнился лишь масштаб злодеяний. Сталин и Мао виновны в смерти десятков миллионов человек. На совести других – «всего» несколько тысяч (как у бывшего президента Филиппин Фердинанда Маркоса) или сотен (как в случае бывшего президента Алжира Шадли Бенджедида) жертв¹⁷.

17 О Маркосе см.: Hutchcroft P. Reflections on a Reverse Image. О Бенджеди-

За время пребывания вождя у власти интенсивность насилия могла меняться. Некоторые, например, генерал Франко, с порога энергично брались за дело; другие, как Башар аль-Асад, раскачивались медленнее. Так или иначе, за большинством диктаторов тянется кровавый след¹⁸.

Более того, во многих случаях насилие было демонстративно публичным. Диктаторы придавали убийствам кошмарную театральность. Они казнили политических оппонентов при большом стечении народа: например, заирский президент Мобуту повесил четверых бывших министров в присутствии 50 тысяч зрителей¹⁹. Они демонстрировали трупы своих соперников в назидание их сторонникам: при гаитянском диктаторе Франсуа Дювалье (известном также как Папа Док) на одной из улиц Порт-о-Пренса в течение трех дней был выставлен обезглавленный труп с табличкой «отступник»²⁰. Практически все диктаторы использо-

де см.: Stone M. *The Agony of Algeria*. P. 64–65.

18 История знает отдельные исключения: лидер движения за независимость Кении Джомо Кениата и несколько эмиров стран Персидского залива прибегали к умеренным репрессиям. Но в сравнении с последними десятилетиями стратегии низкоинтенсивного насилия были редкостью (об этом подробнее во второй главе). Даже если автократы не убивали массово своих оппонентов, как аргентинский политик-популист Хуан Перон, они часто сажали диссидентов в тюрьмы тысячами (см. напр.: Blankstein G. I. *Péron's Argentina*. P. 204).

19 French H. W. *Anatomy of an Autocracy*.

20 Natanson G. *Duvalier, Terror Rule Haiti, Island of Fear*.

вали угрожающую риторику, чтобы поддерживать в обществе тревожные настроения и отбивать охоту к выражению недовольства. Иракский президент Саддам Хуссейн в своих речах призывал «резать глотки» и поминал «злоумышленников... которые вонзили нам в спину отравленный кинжал»²¹. Генерал Франко предупреждал о «внутренних диверсиях», организуемых врагом, который «выжидает возможности прорвать нашу оборону»²².

При этом большинство диктаторов XX века стремились *полностью контролировать общественные коммуникации*. Одни ликвидировали или национализировали все частные СМИ, другие вводили цензуру в прессе и запугивали журналистов. Любые высказывания граждан, письменные или устные, должны были соответствовать определенным правилам, которые были частью механизма поддержания общественного порядка и тестом на лояльность. Критика режима полностью запрещалась.

Как и насилие, цензура в диктатурах была неприкрытой. Некоторые автократы, по примеру Гитлера и Мао, сжигали книги на кострах. Другие, подобно Пиночету, отправляли солдат в рейды по книжным магазинам. В Советском Союзе действовало Главное

21 Saddam Speech Marks Revolution's 22nd Anniversary. FBIS Daily Report.

22 Franco F. End of Year Address to the Spanish People.

управление по делам литературы и издательств («Главлит») – орган, созданный специально для осуществления цензуры. Главлит вычищал запрещенные темы из всех произведений печати и из радио- и телепрограмм. За нарушение цензурных ограничений были предусмотрены серьезные санкции. Писателей, критиковавших политику государства, нередко отправляли в лагеря. Отделы агитации и пропаганды проводили явную и зачастую агрессивную государственную пропаганду. Будучи вездесущей и безапелляционной, цензура транслировала мощь и решительность режима.

Многие диктаторы были заинтересованы в *изоляции своих стран*. Естественно, карантин никогда не был полным: большая часть авторитарных государств торговала со своими соседями, а некоторые, если полагали, что это сойдет им с рук, соседей захватывали. Но практически все смотрели на внешний мир с подозрением. Неблагонадежные иностранцы, нежелательная информация и все неуютное останавливалось на границе. За теми, кому разрешали въезд, велось наблюдение. Диктаторы глушили «вражеские голоса» при наличии технических средств и часто подвергали цензуре или запрещали зарубежные газеты. Многие *не выпускали* собственных граждан за границу, чтобы лишить их возможности расширить представления о

мире и чтобы не потерять людские ресурсы²³. В большинстве коммунистических стран выезд за границу происходил с разрешения госорганов; в других, например, Албании и Румынии, попытка побега за границу наказывалась смертной казнью.

Наконец, несмотря на декларацию мистической связи с народом, ведущие диктаторы XX века *презирали парламентскую демократию* в ее западной ипостаси. Многие утверждали, что построят новый, более совершенный государственный порядок. А самые беззастенчивые использовали слово «демократия» в названиях своих государств – Германская Демократическая Республика или Корейская Народная Демократическая Республика, – извратив его смысл и уничтожив любой намек на плюрализм и ограничение произвола государства. Постколониальные правители, вроде первого президента независимой Ганы Кваме Нкрумы, считали многопартийные выборы наследием империалистов. Парламентские институты, досадовал он, порождают лишь «хаос, брожение, взяточничество, кумовство и несчастье»²⁴. Президент Заира Мобуту высказался проще: «Демократия – не для Африки»²⁵. Выборы в диктатурах если и проводились,

23 Torpey J. Leaving: A Comparative View. P. 24.

24 Davidson B. Black Star.

25 Daniszewski J., Drogin B. Legacy of Guile, Greed and Graft. В этом случае исключением стали некоторые латиноамериканские военные хунты,

то лишь для демонстрации всеобщей поддержки действующей власти, а не для выявления подлинной воли избирателей.

Итак, чтобы удержаться у власти, большинство диктаторов репрессировали оппозицию, устанавливали контроль над информацией, расправлялись с критиками, (нередко) насаждали идеологию, атаковали идеалы плюралистической демократии и ограничивали свободу перемещения людей и информации через границы. Все эти действия имели единственную цель – устрашение. Типичный автократ XX века был диктатором страха.

НОВАЯ И УЛУЧШЕННАЯ ВЕРСИЯ

Анализируя политический ландшафт двухтысячных, мы заметили существенные отличия. Казалось, что те, кто отдает приказы в большинстве недемократических государств, теперь вылеплены из другого теста. Взять Уго Чавеса, харизматичного бывшего десантника, захватившего радио- и телеэфир страны,

обещавшие восстановить демократию, как только они избавят страну от подрывных элементов. Лидеры Институционно-революционной партии Мексики, как и более поздние диктаторы обмана, тоже утверждали, что их правление демократическое.

чтобы завоевывать сердца венесуэльской бедноты. Чавес отстранил оппозицию от политического процесса, но мало кого посадил в тюрьму – и то лишь после неудавшегося государственного переворота, в ходе которого он сам на короткое время был отправлен в отставку²⁶. Сингапурский премьер Ли Сяньлун, блестящий технократ, выпускник Кембриджа, на своей странице в Фейсбуке публиковал фотографии рассветов и патронировал некоммерческую благотворительную организацию²⁷. Партия «Народное действие», членом которой состоит Ли, на всех тринадцати парламентских выборах с момента обретения страной независимости получала более 89 % мест – результат, с которым может соперничать разве что всенародная поддержка КПСС²⁸. При этом по данным Amnesty International, в 2015 году в Сингапуре был только один «узник совести» – шестнадцатилетний блогер, разместивший в интернете непристойный видеоролик с критикой покойного Ли Куан Ю²⁹. Президент России Владимир Путин всегда отвергал любые подозрения в недемократичности своего режима, пока его служба без лишней суеты фабриковала дела против полити-

26 См. Chacon G. A., Carey J. Counting Political Prisoners in Venezuela.

27 Rachman G. Lunch with the FT.

28 Morgenbesser L. Behind the Façade. P. 138; Fernandez W. GE2020.

29 Amnesty International. Singapore. Подросток Амос Йи был приговорен к четырем неделям тюремного заключения.

ческих оппонентов президента. Все трое выступали за международную открытость своих стран, регулярно проводили выборы и гордились высокими рейтингами одобрения. На первый взгляд, между ними мало общего: латиноамериканский каудильо, сверхрезультативный интеллеktуал, непроницаемый бывший разведчик. Но от этого параллели становятся еще более занимательными.

Так ли сильно эти государственные мужи в деловых костюмах отличаются от своих предшественников? И если да, то чем объяснить перемены?

Над этими вопросами мы размышляли несколько лет. Для начала мы погрузились в литературу по автократиям настоящего и прошлого, знакомясь с работами по истории и политологии, журналистскими расследованиями и данными других многочисленных источников. Двигаясь от отдельных историй к обобщениям, мы хотели выявить единые механизмы, с помощью которых автократы удерживают контроль над социумом. Мы пришли к выводу, что у Чавеса, Ли, Путина и их коллег схожий *modus operandi*: жестоким репрессиям они предпочитали манипулирование общественным мнением. Стилю каждого автократа присуще своеобразие, но наличие общих черт свидетельствует о появлении новой школы авторитаризма, отличающейся от модели XX века.

Как подтвердить эту гипотезу? Мы начали с про-

верки внутренней согласованности нашей теории, представив свое видение новых диктатур в виде математической модели. Затем мы постарались оценить распространенность нового подхода среди диктаторов: собрали имеющуюся информацию по авторитарным режимам и нашли новые данные, убедительно подтверждавшие переход от диктатуры страха к диктатуре обмана (статистические показатели приводятся в разделах «Сверимся с данными»). Любознательные читатели найдут уточняющую информацию в наших научных статьях, а графики и таблицы – на сайте книги³⁰. Здесь мы остановимся на наиболее характерных случаях, показательных примерах и сюжетах. Хотя книга и опирается на исследования и данные, она не является научной монографией. Наша цель – изложить в общих чертах историю эволюции авторитаризма и предложить свою интерпретацию того, что произошло. Мы документируем распространение диктатур обмана по всему миру и описываем методы, которыми диктаторы сохраняют власть.

На нашу работу повлияли несколько важных недав-

30 Guriev S., Treisman D. Informational Autocrats; Guriev S., Treisman D. A theory of informational autocracy; Guriev S., Treisman D. The Popularity of Authoritarian Leaders. Онлайн-приложение к книге можно найти по адресу: <https://press.princeton.edu/books/spin-dictators> или spindictators.com.

них работ по политологии и экономике³¹. Некоторые из них уже достаточно известны, другие заслуживают более широкой читательской аудитории.

Например, многие исследователи ищут объяснение стабильности классических, репрессивных автократий – режимов, которые мы называем диктатурами страха. Почему тиранов не свергают революционные движения? Как показали наши коллеги, автократы могут долго сохранять власть, запугивая граждан и убеждая их в своем могуществе и решительности при помощи пропаганды³². Другой способ – не оставлять потенциальным протестующим возможности скоординировать свои действия³³. По одиночке лезть на баррикады небезопасно; значит, задача диктатора – сеять среди оппозиционеров раздоры и страх³⁴.

31 Из множества важных работ необходимо выделить следующие две: Geddes B., Wright J., Frantz E. *How Dictatorships Work*, и Svoboda M. W. *The Politics of Authoritarian Rule*. См. также обзор формальных моделей авторитарной политики в: Gehlbach S., Sonin K., Svoboda M. W. *Formal Models of Nondemocratic Politics*.

32 Huang H. *Propaganda as Signaling*.

33 Основополагающая работа на эту тему: Kuran T. *Now out of Never*. Другие статьи о том, как создаются препятствия для общественной координации: Kricheli R., Livne Y., Magaloni B. *Taking to the Streets*; King G., Pan J., Roberts M. *How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression*; Edmond C. *Information Manipulation, Coordination, and Regime Change*; и Chen J., Xu Y. *Information Manipulation and Reform*.

34 Другие важные работы посвящены тому, как диктаторы избегают второй (после революции) главной угрозы своему правлению – свержения

Эти аргументы способны объяснить, как некоторые диктаторы страха XX века могли подолгу удерживать власть – и почему в конце концов их режимы разваливались, часто внезапно и без предупреждения. Новые диктаторы не вписываются в эту теорию. Обычно считается, что диктатор ненавистен своему народу и только страх удерживает людей от восстания. Впрочем, что, если гражданам нравится их правитель и у них нет никакого желания лезть на баррикады? Революционеры есть и в путинской России, и в Сингапуре под руководством Ли, и в Венгрии Орбана. Но их меньшинство. Насколько можно судить, в каждом из указанных случаев лидер действительно популярен³⁵. Диктаторы обмана правят долго не потому, что срывают планы бунтовщиков, а потому, что ни у кого нет желания бунтовать.

Другие недавние исследования посвящены изучению характеристик диктатур обмана. Почти во всех современных автократиях проводятся выборы, при-

в результате переворота (Svolik M. W. *The Politics of Authoritarian Rule*; Myerson R. B. *The Autocrat's Credibility Problem*; Boix C., Svolik M. W. *The Foundations of Limited Authoritarian Government*; Егоров Г. В., Сонин К. И. *Диктаторы и визири*) – или как они кооптируют соратников в ближний круг, делаясь с ними тем, что может предоставить власть. В последнем случае ключевой вопрос – это размер круга элиты, который диктатор стремится кооптировать (Bueno de Mesquita B. et al. *The Logic of Political Survival*). Мы мало что можем добавить к этому обсуждению.

35 В четвертой главе мы вернемся к вопросу о том, как можно выявить настоящие предпочтения граждан в авторитарном обществе.

чем они не обязательно сводятся к пустым ритуалам. Как указывает Андреас Шедлер, мы живем в эпоху электорального авторитаризма. В своей пионерской работе Стивен Левицкий и Лукан Вэй замечают, что не все выборы в диктатурах являются абсолютно не-свободными, даже если все они нечестные. К выборам допускаются оппозиционные партии, и их победа не исключена³⁶. Политологи провели целый ряд исследований инструментов и бюрократических маневров, к которым прибегают автократы в разных странах, чтобы гарантировать себе победу³⁷. Изучают они и то,

36 Levitsky S., Way L. A. *Competitive Authoritarianism*. См. также: Gandhi J., Lust-Okar E. *Elections under Authoritarianism* и Kendall-Taylor A., Frantz E. *Mimicking Democracy*. В практическом плане наше определение «диктатур обмана» и «страха» слабо коррелирует с терминами «конкурентный авторитаризм» и «полномасштабный авторитаризм» Левицкого и Вэя (см. таблицу OS1.5 на сайте книги). Только 34 % наблюдений (в терминах «страна-год»), которые мы классифицируем как проходящие в условиях диктатуры обмана, Левицкий и Вэй относят к режиму конкурентного авторитаризма. Аналогично, только 33 % наблюдений («страна-лет») в режиме конкурентного авторитаризма в выборке Левицкого и Вэя соответствовали нашим диктатурам обмана. Многие конкурентные авторитарные режимы проводят масштабные жесткие репрессии, насаждая атмосферу страха, и поэтому не являются диктатурами обмана (напр. Зимбабве в годы правления Роберта Мугабе, Кения при Дэниэле арап Мои). Во многих диктатурах обмана проводятся абсолютно неконкурентные выборы, поэтому они не могут считаться конкурентными авторитарными режимами (напр. Сингапур под управлением Ли Куан Ю и его преемников, Казахстан при президенте Назарбаеве).

37 О постсоветских государствах см.: Wilson A. *Virtual Politics*; о Юго-восточной Азии см.: Morgenbesser L. *Behind the Façade*, Morgenbesser L. *The Menu of Autocratic Innovation* и Morgenbesser L. *The Rise of Sophisticated*

как диктаторы контролируют средства массовой информации, и то, как новые технологии слежки и сбора данных используются для многократного усиления потенциала репрессий³⁸.

Наша книга развивает эти идеи. Мы объединяем и интегрируем их, чтобы описать универсальную логику процесса, полемизируя, впрочем, с интерпретациями наших коллег по отдельным вопросам. Диктаторы обмана – не свирепые тираны старой школы, освоившие пару новых трюков. Они изобрели собственный, внутренне непротиворечивый подход. Его основные элементы – манипулирование СМИ, конструирование собственной популярности, имитационная демократия, ограниченное государственное насилие и открытость миру. Дополняя друг друга, эти инструменты образуют модель несвободного правления, которая завоевывает все новые и новые страны. Изучение механизмов диктатур обмана – это не просто интеллектуальная задача; эта работа необходима Западу для эффективного противодействия таким диктаторам.

Authoritarianism; George Ch. Singapore, Incomplete; и Rajah J. Authoritarian Rule of Law; о Египте см.: Blaydes L. Elections and Distributive Politics in Mubarak's Egypt; о Латинской Америке см., среди прочего: Schedler A. The Menu of Manipulation; об Африке см., среди прочего: Чизмен Н., Клаас Б. Как почти честно выиграть выборы и Cheeseman N., Fisher J. Authoritarian Africa.

38 Например, Kendall-Taylor A., Frantz E., Wright J. The Digital Dictators; Dragu T., Lupu Y. Digital Authoritarianism.

ПРАВИЛА ДИКТАТУР ОБМАНА

Феномен диктатуры обмана проявился не так давно, хотя идея не нова: некоторым представлениям о ней сотни лет. Со времен Древней Греции большинство исследований тирании акцентируют внимание на диктатуре страха. Добиваясь послушания, правители убивают, пытаются, лишают свободы и запугивают население. Они шпионят за гражданами и сеют между ними недоверие. Аристотель называл эти методы «мерами, употребляемыми у персов и варваров»³⁹. Монтескье писал о «вечно поднятой длани государя», всегда готовой нанести удар⁴⁰. Страхом, полагал он, «надо задавить всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия»⁴¹. Более поздние теоретики Франц Нейман и Ханна Арендт считали террор – наравне с идеологией – фундаментом современной диктатуры⁴².

Впрочем, уже в древности мыслители рассматривали и другой вариант. Аристотель описал не только «традиционный» метод тирании, но и второй, альтернативный подход. Тиран второго типа стремится ка-

39 Аристотель. Политика. С. 263.

40 Монтескье Ш. Л. О духе законов. С. 38.

41 Там же. С. 45.

42 См. Boesche R. Theories of Tyranny from Plato to Arendt. Chapter 10.

заться не узурпатором, насильственно захватившим власть, а «домоправителем и царем», радеющем об общем благе. Он тратит деньги, чтобы «устраивать и украшать государство», и культивирует образ правителя умеренного и милосердного. Оставаясь тираном, то есть властвуя в собственных интересах, он старается «держаться не надменно, но величественно»⁴³. Он внушает не страх, а почтение. Будучи поработоченными, подданные этого противоречия не осознают.

Позднее, в том же ключе, Макиавелли советовал государям быть «изрядными обманщиками и лицемерами»⁴⁴. Большинство людей удовлетворяются видимостью, а не действительностью, поэтому честолюбивый правитель должен уметь создавать иллюзии. Государю «нет необходимости обладать всеми добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими»⁴⁵. Как именно обмануть людей, зависит от

43 Аристотель. Политика. С. 266–267. Аристотель различает шесть форм правления в зависимости от того, кто и в чьих интересах правит. Единичный правитель, управляющий в общественных интересах, – царь; тиран управляет ради собственной выгоды. (Другими формами правления являются: аристократия – власть немногих в общих интересах; олигархия – власть немногих в собственных интересах; полития или конституционное правление – власть многих в общих интересах; демократия – власть многих в собственных интересах.) См.: «Политика» (книга 3, глава 7).

44 Макиавелли Н. Государь». С. 77.

45 Там же. С. 77–78. См. также: Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 33.

обстоятельств: «заручиться поддержкой народа можно разными способами». Но расположить к себе следует обязательно: «Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом»⁴⁶.

Диктаторы обмана, действуя в духе Макиавелли, воплощают второй тип аристотелевского тирана. Они не запугивают граждан, чтобы заставить их подчиняться, а завоевывают симпатии людей, вводя их в заблуждение. Такой метод управления основан на следовании нескольким правилам.

Правило первое: *будь популярен*. В отличие от классических деспотов, диктаторы обмана должны заботиться о своих рейтингах. Как заметил Макиавелли, есть много способов получить поддержку народа. Один из них – экономические успехи: при любом режиме экономическое процветание усиливает позиции действующего главы государства⁴⁷. Это правило крайне важно; о нем не следует забывать, даже если популярность достигается иными средствами. Экономический рост воспринимается гражданами как доказательство компетентности правителя. При любой возможности лидеры всех сортов – демократические

46 Макиавелли Н. Государь. С. 55. По мысли Макиавелли, обман никогда не может заменить силу полностью, поэтому Государь должен уподобиться и льву, и лисе (С. 77). Тем не менее, в век демократии насилие плохо сочетается с образом благодетелей, культивируемым диктаторами обмана.

47 Guriev S., Treisman D. The Popularity of Authoritarian Leaders.

и авторитарные – ставят экономический подъем себе в заслугу.

Но ни одна экономика не может расти постоянно, поэтому каждый автократ подстраховывается. Во времена экономических кризисов для подавления несогласия диктаторы страха прибегают к репрессиям: граждане должны бояться выходить на протесты. Диктаторы обмана применяют эти классические методы лишь в исключительных случаях, поскольку репрессии лишают их популярности. Вместо репрессий первой линией обороны становится искажение правды – в том случае, если правда не на их стороне. Диктаторы обмана манипулируют информацией.

Для того, чтобы обман был эффективным, надо начинать думать о манипуляциях заранее. В хорошие времена диктаторы обмана уже готовятся к плохим. Приписывая себе успехи, даже случайные, они создают себе репутацию профессионалов. Подобно второму типу тирана по Аристотелю, они притворяются, что максимизируют всеобщее благо. Кроме того, они консолидируют контроль над средствами массовой информации (часто тайком, чтобы сохранить доверие к СМИ), скрытно подкупая владельцев и поощряя самоцензуру. В трудные времена это дает возможность отвлекать внимание от несоответствующих ожиданиям результатов и перекладывать ответственность на других. Несмотря на экономические проблемы, дик-

таторы обмана могут сохранять популярность довольно долго.

Разумеется, диктаторы обманы не были первыми манипуляторами информацией. Некоторые тоталитарные правители XX века были изобретательными пропагандистами. Основное отличие современных диктаторов состоит в том, *как именно* они искажают новости. Диктаторы страха внедряли тщательно проработанные идеологии и ритуалы верности. Контроль был всеобъемлющим, пропаганда – внушающей страх; некоторые диктаторы страха занимались промыванием мозгов граждан. Диктаторы обмана действуют тоньше: меньше агитации и пропаганды, больше рекламы и маркетинга. Содержание их речей тоже отличается от риторики диктаторов прошлого. Тираны XX века ценили агрессивную образность (можно вспомнить «отравленный кинжал» Саддама). Диктаторы обмана говорят спокойным языком грамотных профессионалов, иногда с легким налетом социализма или национализма.

Если факт удобен, они его присваивают. Если факт неудобен, они заставляют СМИ по мере возможности его скрывать, а если сделать это не удастся – оправдывать. Во всем плохом виноваты внешние условия и враги. Любые неудачные результаты преподносятся как нечто, что у других вышло бы намного хуже. Правлению диктаторов противопоставляется предельно

отталкивающая псевдоальтернатива, подобранная так, чтобы на ее фоне диктатор выглядел бы привлекательнее. Лояльные журналисты очерняют любых политических противников диктатора, который последовательно формирует восприятие реальности и конструирует общественную повестку в своих интересах.

Когда это срабатывает, диктаторов обмана скорее любят, а не боятся. Даже оппоненты Чавеса признавали его популярность, а рейтинг одобрения Путина за 20 лет ни разу не опустился ниже 60 процентов. Но любят диктаторов далеко не все. В современных обществах, как авторитарных, так и демократических, люди делятся на две группы. Первая группа – это *информированный класс*: прослойка образованных граждан, свободно ориентирующихся в медиапространстве и контактирующих с внешним миром. Члены этой группы знают, как находить и распространять политически значимую информацию. Они могут быть кооптированы властями, но обмануть их сложно. При диктаторских режимах информированные граждане видят политического лидера насквозь, понимают, что он преследует исключительно свою выгоду и намного менее компетентен, чем об этом рассказывают государственные СМИ. Они бы хотели сменить его на кого-то получше, но их слишком мало – и они слишком слабы, чтобы это сделать. Информированным нужна

помощь остальной части общества – *народа*⁴⁸.

Основная цель диктатора обмана – не допустить, чтобы информированные подорвали его популярность и мобилизовали широкие массы против него. Но как? Если казна полна, диктатор может склонить своих критиков к сотрудничеству, покупая их молчание или даже нанимая для производства пропаганды. В путинской России и назарбаевском Казахстане прорежимные телевизионные каналы приглашали на работу талантливых выпускников вузов. Другие автократы – от Альберто Фухимори в Перу до Виктора Орбана в Венгрии – подкупали частных медиамагнатов откатами, доступом к сенсационным материалам и госконтрактами на рекламу. При нехватке денег диктаторы подвергают информированных и их каналы распространения информации цензуре. По мере сни-

48 Геддес и Заллер (Geddes B., Zaller J. *Sources of Popular Support for Authoritarian Regimes*) показывают, что в авторитарных обществах наиболее образованные и политически сведущие граждане менее подвержены государственной пропаганде. Следует отметить, что информированные группы обладают большим человеческим капиталом, но не обязательно высоким доходом или достатком. Этот сегмент обычно пересекается со средним классом, который часто считается локомотивом демократизации (см.: Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. С. 491–508), но не тождественен ему. Мы не считаем себя вправе высказываться с моральной точки зрения о том, что информированные группы должны (или не должны) занимать доминирующее положение в обществе. Мы лишь фиксируем тот факт, что они играют важную роль в политической борьбе постиндустриальной эпохи.

жения цен на нефть в России и в Казахстане начали падать темпы роста и государственные доходы – так что давление на прессу усилилось. Фактически большинство диктаторов занимаются понемногу и тем, и другим: одних критиков дешевле заставить молчать, других – купить.

Интересно, что полную цензуру устанавливать не обязательно. В диктатуре обмана слишком жесткие ограничения свободы прессы могут оказать диктатору медвежью услугу. Правителям удобнее, чтобы граждане считали СМИ относительно свободными. Ведь диктатор заинтересован в том, чтобы цензурировать сам факт цензуры. Диктаторы страха сжигают книги и запрещают частные газеты, а диктаторы обмана просто выталкивают любую критику на периферию, оставляя себе центральные каналы распространения информации⁴⁹. Им безразлично, как интеллектуалы отзываются о них в частных беседах, да даже и на публике, если аудитория небольшая. И пока аудитория остается небольшой, диссидентам позволено иметь свои марги-

49 Даже в классических диктатурах цензура редко бывала абсолютной. Маргинальные оппозиционные публикации иногда продолжали существовать, чаще всего потому, что у власти не было ресурсов ликвидировать все. В качестве примера можно привести некоторые латиноамериканские и африканские диктатуры. Но для диктатур обмана сохранение части оппозиционной прессы – сознательный элемент стратегии: режим выглядит демократично и, при необходимости, есть канал для распространения информации, в которую поверят.

нальные журналы, программы на кабельных каналах и иностранные газеты. Власти по-настоящему важна только массовая поддержка. Чтобы разобщить народ и информированных, диктаторы оскорбляют последних, ставят под сомнение их мотивы, навешивают на них ярлыки предателей и снобов и стремятся направить против них народное негодование.

Получив поддержку масс, политический лидер использует свою *популярность для консолидации власти*. Это второе правило диктатуры обмана. Популярность – нестабильный актив, он может расти и падать. Значит, его надо частично инвестировать в другие рычаги контроля. Чтобы превратить его в высокие рейтинги, диктатор обмана проводит выборы и референдумы, а победив на них с подавляющим преимуществом, предъявляет мандат на изменение политических и правовых институтов. Он проводит конституционную реформу, вводит в состав судов и регулирующих органов преданных людей и перекраивает избирательные округа, чтобы выстроить вокруг себя буфер политических институтов.

Третье правило – *притворяться демократом*. Сегодня значительное большинство граждан практически в любой стране, вне зависимости от ее истории и политической системы, предпочитают демократию⁵⁰.

50 Последняя волна Всемирного исследования ценностей (World Values

Мировое сообщество либеральных государств и международных организаций продвигает идеи народовластия. Те автократы, которые продолжают править с помощью страха, эти идеи отрицают. А вот диктаторы обмана, напротив, делают вид, что принимают демократию с распростертыми объятиями. Конечно, для многих внешних наблюдателей подобное лицемерие совершенно очевидно; но немало и тех, кто внутри страны и даже за ее пределами его не замечает.

В XX веке диктаторы страха часто закрывали свои границы, затрудняя перемещение людей и информации. Диктаторы обмана *открывают границы* – и это четвертое правило. Периодически они вводят ограничения для иностранных СМИ, но чаще с одобрением относятся к потокам людей, капитала и данных, используя их для извлечения прибыли. Они добиваются членства в международных организациях, чтобы изнутри подрывать нежелательные для себя инициативы. Потенциальных сторонников на Западе они завоевывают целенаправленной интернет-пропагандой, а активных противников травят или взламывают. Кроме того, они используют непрозрачную инфраструктуру

Survey) проводилась в 2017–2020 годах в 83 странах. Доля респондентов, ответивших, что наличие демократии – это «очень хорошо» или «скорее хорошо», варьировалась от 58 % в Ираке до 98 % в Исландии. Межстрановое среднее значение – 84 % (World Values Survey, онлайн-анализ). См. таблицу OS1.1 на сайте книги.

туру оффшорных компаний и банков для обеспечения сохранности своих денег и кооптации западных элит.

Последнее, самое важное правило – *избегать жестких репрессий*, или, по крайней мере, скрывать или камуфлировать их. В современных обществах насилие обычно дискредитирует государственного лидера. Для диктатора обмана явное насилие против народа – симптом несостоятельности. Если модель работает и правитель популярен, терроризировать обывателей нет необходимости, более того, это контрпродуктивно, так как террор вредит образу просвещенного и заботливого лидера.

Это не значит, что все диктаторы обмана – пацифисты. В гражданских войнах или межэтнических конфликтах они не знают жалости. (Собственно, и демократии при наличии военной угрозы часто действуют жестко, как, например, Индия в Кашмире.⁵¹) В Перу Фухимори беспощадно расправился с маоистами из партизанской организации «Сияющий путь». Вторая чеченская война, которую Путин развязал в 1999 году, унесла тысячи жизней⁵². Если где-то население исторически настроено против небольших национальных меньшинств (особенно тех, которых легко обвинить

51 См. напр.: Iqbal S., Hossain Z., Mathur Sh. Reconciliation and Truth in Kashmir.

52 Amnesty International, Russian Federation. P. 1.

в терроризме), устраивая на них гонения, диктаторы обмана могут набрать дополнительные очки. Кроме того, они периодически преследуют журналистов, не давая им выполнять свою работу. И всякий раз диктаторы стараются скрыть свое участие в репрессиях или завуалировать их цель. Они арестовывают людей, пишущих о них критически, не за критику, а по сфабрикованным обвинениям в неуплате налогов, мошенничестве или – что еще проще и эффективнее – в совершении постыдных действий, чтобы оттолкнуть читательскую аудиторию. Суд в Казахстане признал известного журналиста виновным в изнасиловании несовершеннолетней девушки; по мнению Human Rights Watch, дело было «политически мотивированным»⁵³.

Подытожим: диктаторы обмана манипулируют информацией, чтобы повысить свою популярность в обществе и консолидировать политический контроль; при этом они создают видимость демократии, воздерживаются от откровенных репрессий или камуфлируют их, а также формируют условия для интеграции своих стран в глобальную экономику.

Здесь важно сделать две оговорки. Иногда мы говорим о диктатурах обмана как о «новой» модели, противопоставляя ее «старым» методам диктаторов

53 Oppositionists Claim Government behind Rape Charge. Central Asia Report.

страха. Но, конечно, модель не является абсолютно новой. Почти в каждой эпохе находились автократы, которые предпочитали действовать обманом, а не силой. Мы уже видели, что первым этот феномен описал Аристотель, вероятно, имея в виду афинского тирана Писистрата⁵⁴. Наполеон III, живший во Франции XIX столетия, тоже во многом опередил свое время⁵⁵. Но в конце XX века соотношение сил изменилось, и диктатура обмана превратилась из маргинального в самый распространенный вид диктатуры.

Вторая оговорка касается того, что мы поделили всех диктаторов на две четкие группы. Это сделано для упрощения. В реальности у большинства явлений нет чистых форм, и политические режимы не исключение. Идеальная демократия – это «идеальный тип», существующий только в учебниках, а не в жизни. В реальности степень демократии в разных государствах различна. То же относится и к недемократическим лидерам: они могут быть ближе к диктатуре страха или диктатуре обмана, но редко кто будет занимать край-

54 Аристотель. Политика. С. 271–272.

55 Wolf J. В. France, 1814–1919. P. 243. Наполеон использовал личную популярность, чтобы консолидировать власть через плебисциты, и сохранял видимость демократии. При этом он не отказывался от полноценных репрессий: после совершенного им переворота он выслал 15 000 противников режима в другие страны и колонии, например, Алжир и Французскую Гвиану. Цензура прессы во время его правления была суровой и неприкрытой.

ную позицию на концах этого спектра. Большинство правителей так или иначе отклоняются от схемы, но в целом соответствуют ей.

Кто же из наших современников попадает в категорию диктаторов обмана? Заметный вклад в создание этой модели приблизительно с 1970-го по 1990-й внес Ли Куан Ю, занимавший в те годы пост премьер-министра Сингапура. Его преемники Го Чок Тонг (1990–2004) и Ли Сяньлун (с 2004 года) придерживались того же стиля управления. В список нужно добавить и бывшего премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамада (1981–2003), и пришедших за ним Абдуллу Ахмада Бадави (2003–2009) и Наджиба Разака (2009–2018); бывшего президента Казахстана Нурсултана Назарбаева (1992–2019); Уго Чавеса, бывшего президента Венесуэлы (1999–2013); президента России Владимира Путина (с 2000-го вплоть до полномасштабного вторжения в Украину и начала открытых репрессий в 2022 году); Реджепа Тайипа Эрдогана, президента Турции (с 2003-го до, по меньшей мере, 2016-го, когда массовые аресты, последовавшие за неудачным переворотом, дали основания говорить о совершенном им переходе к диктатуре страха); Рафаэля Корреа, бывшего президента Эквадора (2007–2017), и Виктора Орбана, премьер-министра Венгрии (с 2010 года)⁵⁶. В эту же

56 Не вполне понятно, когда именно завершилось правление Назарбаева.

группу мы включаем и Альберто Фухимори, бывшего президента Перу, хотя это пограничный случай – он возник, когда диктатуры обмана еще не получили широкого распространения. В конце 1990-х Фухимори был скорее диктатором обмана, но в начале того десятилетия, когда перуанская армия воевала с партизанами из «Сияющего пути», государственные убийства происходили достаточно часто⁵⁷. Одни из этих автократов унаследовали в целом демократические систе-

Хотя он и покинул должность президента в 2019 году, в течение еще пары лет он сохранял большое влияние (см. напр.: *The People of Kazakhstan Wonder* // *Economist*). В процессе подготовки данных по способам авторитарного контроля мы использовали кодировки проекта Polity IV для различения демократических и недемократических режимов. Но поскольку диктатуры обмана мимикрируют под демократии, возникают (что неудивительно) сложные случаи. По методике Polity, Венгрия при Орбане после 2010 года является идеальной демократией (Polity2 = 10). Однако мы склонны согласиться с Тимоти Гартон-Эшем (Garton Ash T. *Europe Must Stop This Disgrace*) в том, что Орбан, консолидировав контроль над СМИ, судами и избирательными комиссиями, очень быстро превратил страну в недемократию. По методике Polity, до 2014 года Турция тоже была демократией. Мы же полагаем, что Эрдоган трансформировал режим в диктатуру обмана на несколько лет раньше. В статистических сводках и на иллюстрациях, напр. на рисунке 1.1, мы используем кодировку Polity, чтобы не вносить изменений ad hoc, и помещаем Венгрию и Турцию в перечень демократических стран за соответствующий период. Таким образом, полученная нами оценка числа диктатур обмана скорее консервативна.

57 По оценкам перуанской Комиссии по установлению истины и примирению, в 1990–1992 годах агенты государства несут ответственность за более чем 400 убийств и исчезновений людей в год; эта цифра снизилась до 17 в 1999-м и до 5 в 2000-м (Lerner S. *Informe Final de la Comisión de la Verdad y Reconciliación*. P. 84).

мы и позднее превратили их в диктатуры обмана. А кому-то и этого делать не понадобилось. К этим примерам мы еще неоднократно вернемся в последующих главах.

Список свидетельствует о большом разнообразии типов. Чавес стоит на левых позициях, Орбан – правый политик. Одним нужна политическая мобилизация населения, другим важнее, чтобы народ оставался политически пассивным. Кто-то, как Чавес и Корреа, «популисты» – от имени «народа» они нападают на «укоренившиеся элиты» и «глубинное государство». Другие, как Ли Куан Ю и Путин, ревностно защищают государство – и «глубинное», и любое другое. (Эрдоган «глубинное государство» атакует, а в обыкновенном государстве расставляет своих союзников на все доступные места.) Орбан разделяет идеологию культурного консерватизма и поддерживает националистически заряженные антииммигрантские настроения – а Назарбаев придает особое значение межнациональному и межконфессиональному согласию⁵⁸. Диктатуры обмана различаются и по своей институциональной форме. Среди них есть персоналистские автократии,

58 Например, Орбан настроен против мусульман и выступает в роли защитника «христианской Европы», а Назарбаев регулярно проводил Съезд лидеров мировых и традиционных религий в целях содействия межконфессиональному диалогу и толерантности (Tharoor I. Hungary's Leader Says He's Defending Christian Europe; Stevens C. Kazakhstan).

зависящие от воли одного человека, однопартийные режимы (Малайзия, Сингапур), военные диктатуры (Алжир времен Бутефлики) и даже монархии (Кувейт в годы правления эмира Сабаха аль-Ахмеда ас-Сабаха). И все же по ряду общих характеристик диктаторы обмана отличаются от диктаторов страха. Различия между ними приведены в таблице 1.1⁵⁹.

ТАБЛИЦА 1.1. ДВЕ МОДЕЛИ ДИКТАТУРЫ

Диктатуры страха	Диктатуры обмана
<i>Принцип управления – устрашение</i>	<i>Принцип управления – введение в заблуждение</i>
Масштабные жестокие репрессии – многочисленные политические убийства и политзаключенные	Эпизодические репрессии – небольшое число политических убийств и политзаключенных
Публичное насилие как средство сдерживания несогласных	Непубличное насилие как средство поддержания образа просвещенного правителя
Тотальная цензура	Разрешены некоторые оппозиционные СМИ

59 Наши диктаторы обмана ближе к тем, кого Джоэл Саймон, исполнительный директор Комитета по защите журналистов, называет «демократаторами». Однако между этими понятиями есть отличие: Саймон включает в свою категорию даже самых жестоких диктаторов, таких как президент Руанды Поль Кагаме, а мы считаем, что стратегия, основанная на явном насилии и страхе, мешает созданию образа демократичного и компетентного лидера. См.: Simon J. *The New Censorship*. P. 32–34. Некоторые аспекты диктатур обмана освещены в: Morgenbesser L. *The Menu of Autocratic Innovation* и *The Rise of Sophisticated Authoritarianism*.

Гласная цензура – сжигание книг, официальные запреты	Скрытая цензура – при возможности частные СМИ кооптируются
Официально насаждаемая идеология (в отдельных случаях)	Официальная идеология отсутствует
Откровенная пропаганда и ритуалы лояльности	Пропаганда тоньше, культивирует образ компетентного руководства
Презрительное отношение к либеральной демократии	Имитация демократии
Международные потоки людей и информации часто ограничены	В целом открыты для международных потоков людей и информации

Как изменилось соотношение сил между диктатурами страха и обмана? Детальный анализ будет представлен в следующих главах, а пока ограничимся кратким пересказом. Мы определяли тип диктатуры с помощью двух простых правил. Как и любое упрощение, они не претендуют на научную строгость и время от времени могут давать сбои, но позволяют выявить устойчивые тенденции. Выше уже отмечалось, что диктаторы обмана организуют выборы, не используют неприкрытое насилие против политических соперников и допускают работу небольшого числа оппозиционно настроенных СМИ. Наш практический подход в первую очередь ориентирован на эти аспекты. Мы считаем руководителя государства диктатором обмана, если его правление обладает всеми следующими признаками:

а) страна не является демократией,

б) в ней проводятся общенациональные выборы, к участию в которых допускается хотя бы одна оппозиционная партия,

в) в течение года хотя бы несколько информационных площадок выступают с критикой правительства,

г) в среднем в год происходит менее 10 политических убийств,

д) в любой год в стране насчитывается не более 1 000 политических заключенных⁶⁰.

Диктаторы страха проводят жестокие репрессии и стремятся установить полный контроль над каналами информирования граждан. Мы относим автократа к категории диктаторов страха, если во время его правления:

а) страна не является демократией,

б) в течение по меньшей мере одного года критика государства звучала от очень малого числа информационных площадок или не звучала вовсе,

в) в среднем в год происходит 10 или более полити-

60 Пункт (а) основан на классификации Polity IV: к недемократическим относятся страны, набравшие меньше 6 баллов по шкале Polity2, на которой -10 соответствует абсолютной диктатуре, а +10 – абсолютной демократии. Пункты (б) и (в) основаны на данных Varieties of Democracy (V-DEM), версия 10; (б) выполняется, если переменная $v2elmulpar_ord \geq 2$ по крайней мере в течение одного года пребывания лидера у власти; (в) выполняется, если $v2mescrit \geq 1$ в течение всех лет пребывания лидера у власти. Пункты (г) и (д) взяты из подготовленной нами базы данных Authoritarian Control Techniques (ACT), о которой мы подробно рассказываем во второй главе.

ческих убийств, и/или

г) хотя бы в один год в стране насчитывается более 1 000 политических заключенных⁶¹.

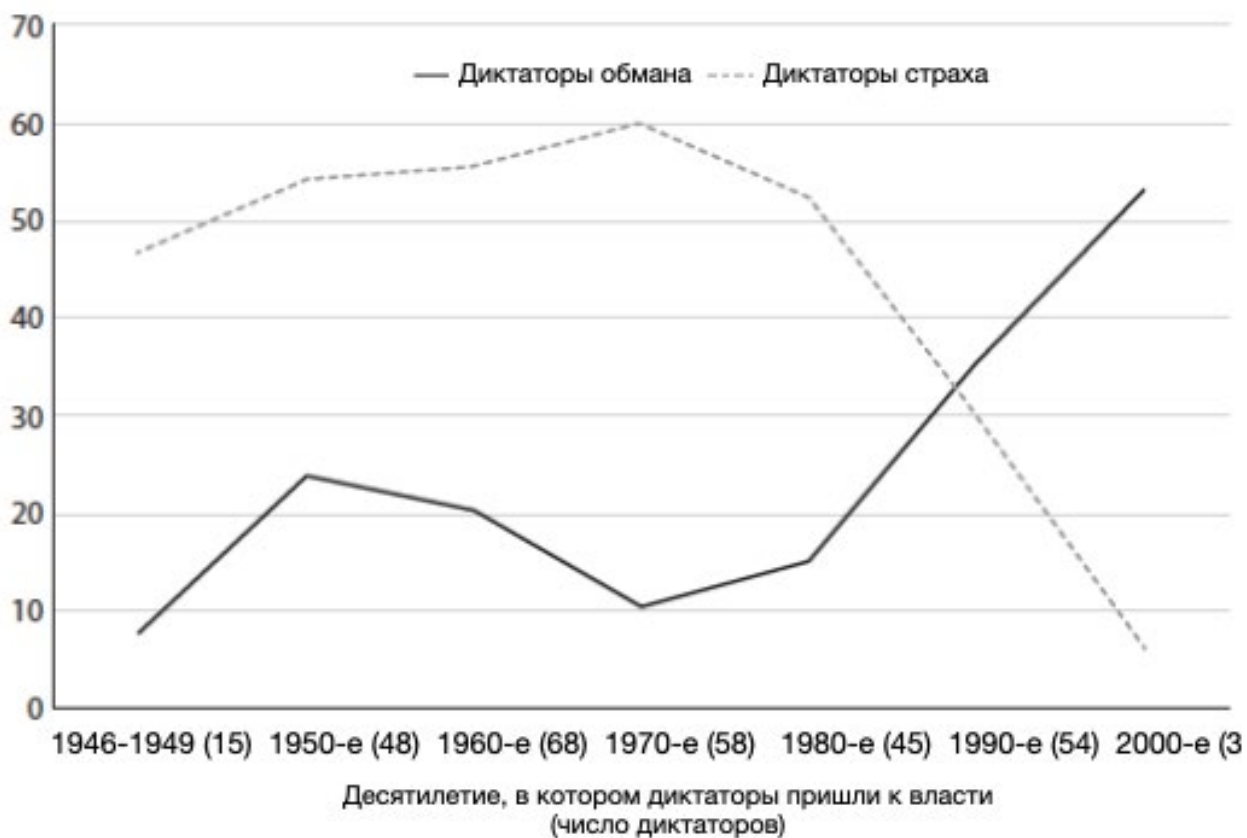

Рис. 1.1. Доля диктаторов страха и диктаторов обмана в последовательных когортах лидеров государств.

61 Пункт (а) выполняется, если индекс Polity2 < 6. Пункт (б) из V-DEM; он выполняется, если $v2mesrit \leq 1$ по крайней мере в течение одного года пребывания диктатора у власти. Пункты (в) и (д) также взяты из нашей базы данных АСТ. Мы не включаем отсутствие оппозиционных партий в критерии диктатур страха, поскольку некоторые режимы, терроризирующие своих граждан, все же допускают символическую оппозицию.

Источник: Guriev and Treisman, Authoritarian Control Techniques Database; V-DEM, V.10; Polity IV. Примечание: число диктаторов в соответствующий период указано в скобках. «Диктаторы»: сохранявшие власть не менее пяти лет руководители государств с индексом Polity2 < 6 в течение всех пяти лет. «Диктаторы страха» и «обмана» классифицированы в соответствии с определением в тексте. Остальные диктаторы – 29 % от общего числа за период с 1946-го по 2015 год – представляют собой гибридный тип.

Рис. 1.1 демонстрирует изменение доли соответствующих типов режимов во времени. Мы сравниваем доли диктаторов страха и обмана в последовательных когортах лидеров государств⁶². Степень репрессивности режима часто меняется в течение срока пребывания диктатора у власти. Чтобы подчинить страну, одни начинают свое правление с кровавых чисток и расправ, а потом на время теряют необходимость в массовых убийствах⁶³. Другие начинают с малого, но позднее

62 Показатели «цензура» и «многопартийные выборы» рассчитываются ежегодно, поэтому на сайте книги мы приводим оценку долей диктатур обмана и страха также в пересчете на год (рисунок OS1.1). Цифра за каждый год означает долю диктаторов, которые удовлетворяли критериям «цензура» и «выборы» в соответствующем году, а также критерию «жестокые репрессии» (за весь период правления). Конфигурация похожа на график когорт лидеров, но небольшой лаг объясняется тем, что характеристики каждой следующей когорты накладываются на характеристики предыдущих. Доля диктаторов страха достигает максимума около 1980 года, а затем резко снижается. Доля диктаторов обмана растет с низшей точки около 1980 года и опережает долю диктаторов страха около 2000 года.

63 Например, при Роберте Мугабе в Зимбабве вспышки жестокого насилия перемежались периодами затишья, в течение которых сохранялся эффект, достигнутый ранее совершенным насилием. Спалив дом политического противника, поддерживать дисциплину можно, время от вре-

наращивают масштаб репрессий. Чтобы учесть влияние этого фактора, мы брали среднее число государственных политических убийств за все годы правления диктатора и максимальное число политических заключенных этого диктатора, о котором сообщалось за какой-либо год его правления. Если взять данные за слишком короткий период, расчеты будут зашумлены, поэтому мы отобрали только тех лидеров, которые оставались на своем посту более пяти лет⁶⁴. Как следует из графика, доля диктатур страха резко снижается с 60 % в когорте 1970-х годов до менее 10 % в когорте 2000-х годов, а доля диктатур обмана в тех же когортах стремительно растет – с 13 % до 53 %⁶⁵.

мени «потряхивая коробком спичек». Конечно, периодически требуется освежать память о насилии новым насилием (Чизмен Н., Клаас Б. Как почти честно выиграть выборы. С. 139–140). Зимбабве при Мугабе определено была диктатурой страха, а не обмана.

- 64 На сайте книги, в разделе, посвященном второй главе, мы рассматриваем вопрос о том, изменится ли картина насилия, если не включать в расчет диктаторов, недолго остававшихся у власти. Наши данные показывают, что качественных изменений не произойдет.
- 65 На сайте книги приведена дополнительная информация о соотношении категорий «диктатур страха» и «обмана» с другими классификациями режимов, включая сравнение с Geddes B., Wright J., Frantz E. *How Dictatorships Work* (таблица OS1.4) и Levitsky S., Way L. A. *Competitive Authoritarianism* (таблица OS1.5).

ДРУГИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Мы полагаем, что диктатуры страха уступают место диктатурам обмана. Но, может быть, политика устрашения никуда не делась, просто репрессии стали эффективнее, а диктаторы нашли способы наводить страх, избегая большого физического насилия? Современные информационные технологии упрощают слежку и давление на диссидентов. У разнообразных диктаторов идут в дело и камеры наружного наблюдения, и технологии распознавания лиц, и GPS-трекеры. Означает ли это, что больше не о чем говорить?

Нам так не кажется. Действительно, более совершенное скрытое наблюдение, в принципе, может снизить потребность в насилии, ведь угроза наказания удерживает от совершения преступления. Убедительность угрозы зависит от уровня наказания и вероятности быть пойманным. Если эта вероятность высока, можно смягчить наказание, не лишая его сдерживающей силы. Развивая технические средства наблюдения за гражданами, диктаторы могут переходить от «высокоинтенсивного» к «низкоинтенсивному» принуждению⁶⁶. Более того, они могут проводить профилактические задержания возмутителей спокойствия,

66 Levitsky S., Way L. A. Competitive Authoritarianism. P. 58.

а не наказывать за уже совершенные нарушения⁶⁷.

Однако если что-то *может* произойти, оно не обязательно произойдет. Оруэлл определенно не считал, что технические средства слежки снизят необходимость в терроре. В его «Большом брате» страшное наказание неотделимо от тотальной слежки. Недавние исследования показывают, что ныне здравствующие диктаторы страха используют новейшие цифровые решения вместе с еще большим насилием, а не вместо него⁶⁸. И это вполне рационально. Если себестоимость репрессий снижается, экономическая логика подсказывает, что репрессий должно становиться больше, а не меньше.

Кроме того, если снижение уровня насилия и можно объяснить появлением новых средств электронного наблюдения, то прочие изменения в тактике диктаторов нуждаются в ином обосновании. Если низкоинтенсивные репрессии настолько эффективны, зачем скрывать их, ослабляя потенциал сдерживания? Зачем имитировать демократию и плюрализм вместо того, чтобы с удвоенной энергией вкладываться в инструменты страха? Зачем изо всех сил работать на свою популярность, если можно контролировать

67 Dragu T., Lupu Y. Does Technology undermine Authoritarian Governments?; Dragu T., Przeworski A. Preventive Repression; Dimitrov M. K., Sassoon J. State Security, Information, and Repression. P. 3.

68 Frantz E., Kendall-Taylor A., Wright J. Digital Repression in Autocracies.

граждан через их смартфоны? Некоторые диктаторы страха – например, саудовский кронпринц Мохаммед бин Салман (также известный как «МБС»), – действительно оснастили свой репрессивный аппарат цифровыми технологиями. Но от открытого насилия они не отказались – в то время как остальные диктаторы перешли на совершенно другую модель.

Передовые информационные технологии пригодились и в этой новой модели. Ведь технический прогресс повышает эффективность как политики страха, так и политики обмана⁶⁹. Интернет создает условия для низкочастотной избирательной цензуры, фильтрующей информационные потоки для таргетирования разных групп пользователей. Социальные сети можно использовать для распространения изоцированной пропаганды, адресуя сообщения конкретным аудиториям и скрывая источники информации для повышения ее достоверности. Чтобы оказывать влияние на выборы, диктаторы обмана используют троллей и хакеров. Так что даже если новые информационные технологии упрощают задачу диктаторам страха, диктаторы обмана могут извлечь из них еще больше пользы.

69 Брэдшоу и Говард (Bradshaw Ph. N., Howard S. The Global Organization of Social Media Disinformation Campaigns) исследуют организованные государствами кампании по манипулированию социальными сетями в 29 странах и находят подтверждения тому, что и диктатуры обмана, и диктатуры страха активно используют социальные сети.

Некоторые скептики утверждают, что дело не в том, что диктаторы становятся более благодушными, а в том, что общества все менее склонны бунтовать. С ростом личных доходов люди не желают больше рисковать. Чем выше вероятные потери, тем ниже тяга граждан к революциям. Диктатору, чтобы держать такое общество в подчинении, требуется меньше демонстративной жестокости и открытых угроз.

Звучит правдоподобно, не так ли? Но эта гипотеза верна только для единичных случаев и не подтверждается в целом. В реальности средний класс часто представляет *большую* угрозу для диктаторов, чем бедняки. Бесспорно, состоятельным людям есть, что терять. Зато у них шире база для сопротивления, лучше навыки организации, больше ресурсов и многочисленнее социальные связи – плюс у них сильнее запрос на политические свободы. От них сложнее откупиться материальными благами, чем от более бедных сограждан.

Эта теория подтверждается данными. Во Всемирном исследовании ценностей (World Values Survey, WVS) в 2017–2020 годах вопросы о роли насилия в политической борьбе задавались гражданам 19 авторитарных государств. Интервьюеры распределили их по трем категориям в зависимости от уровня дохода – «высокий», «средний», «низкий» – на основании собственных оценок респондентов. Участников, в частности,

спрашивали, оправдано ли использование насилия в политической борьбе. Большинство ответов были отрицательными, но в девяти из 19 стран «богатые» респонденты чаще «бедных» были готовы находить основания для политического насилия⁷⁰. Так, в Гонконге 27 % интервьюируемых в группе «высокого дохода» выбрали оценку 6 или выше по 10-балльной шкале в диапазоне от «никогда не может быть оправдано» (1) до «всегда может быть оправдано» (10) – по сравнению с 8 % респондентов в группе «низкого дохода». Даже в континентальном Китае высокие оценки в ответе на этот вопрос встречались чаще в группе «богатых» респондентов. Терпимость к использованию насилия в политической борьбе также оказалась выше среди «богатых» в Азербайджане, Беларуси, Эфиопии, Иордании, Макао, России и Украине.

Разумеется, состоятельные люди могут оказаться революционерами лишь на словах, а не на деле. По крайней мере данные WVS говорят о другом. В анкете Всемирного исследования ценностей нет вопроса об отношении к революциям. Но участников просили дать оценку менее экстремальным формам политических действий оппозиции. В 20 недемо-

70 URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>; дата обращения 20.09.2021. На основе сравнения среднестрановых показателей. См. онлайн-приложение к книге, таблица OS1.6.

кратических странах анкетированных спрашивали, участвовали ли они когда-нибудь в мирных демонстрациях. В 14 странах утвердительно на этот вопрос ответило больше богатых, чем бедных респондентов⁷¹. В Гонконге 31 % опрошенных с высоким уровнем дохода и только 12 % опрошенных в группе с низким уровнем дохода сказали «участвовал». И в 15 из 20 стран богатые чаще бедных сообщали, что принимали участие в несанкционированных забастовках.

Есть несколько стран, например Сингапур, где готовность протестовать находится в обратной зависимости от уровня дохода. Но лидеры других относительно богатых автократий – от государств Персидского залива до России, Малайзии, Турции и Казахстана – не зря озабочены поддержанием политической стабильности. При этом их больше волнуют протесты со стороны имущих граждан, а не недовольство бедных слоев, составляющих, например, в России и Турции, базу поддержки режима. Если эти лидеры реже, чем их предшественники, прибегают к насилию, то вовсе не потому, что они чувствуют себя в большей безопасности в богатеющем обществе.

71 См.: URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>; дата обращения 20.09.2021. Эти данные доступны для 20 (а не 19) недемократических стран, так как этот вопрос задавался и в Турции – в отличие от предыдущего. См. онлайн-приложение к книге, таблицы OS1.7 и OS1.8.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ

Начиная с 1945 года большинство автократов без труда опознаются как диктаторы страха или как диктаторы обмана. Но примерно четверть всех случаев – гибридные. В одних странах – например, Катаре, ОАЭ и Лаосе, – запрещены оппозиционные политические партии и публичная критика правительства, но при этом нет жестоких репрессий. Правители других стран – например, Шри-Ланки, Бангладеш и Алжира, – широко использовали насилие, и в то же время допускали (или, возможно, не смогли подавить) работу оппозиционных СМИ.

С классификацией Китая, на первый взгляд, должны возникнуть проблемы. Многие китаеведы в разговорах с нами называют целый ряд признаков диктатуры обмана, которым отвечает китайский режим. Со времен Мао и его варварской жестокости уровень политического насилия в стране, безусловно, упал. Сегодня тайная полиция скорее пригласит диссидентов на «чашку чая» (эвфемизм для обозначения профилактической беседы), чем без разговоров сошлет в трудовой лагерь. Лидеры Китая резко критикуют западные политические системы – демократия «нам не подходит и даже может привести к катастрофическим последствиям», утверждал Си в 2014 году, – но они сами

часто характеризуют китайскую модель управления как специфическую форму демократии⁷². Государство мирится с наличием отдельных частных СМИ, а интернет-цензоры вместо полной блокировки сайтов иногда просто замедляют их трафик⁷³.

Однако люди, не являющиеся специалистами по Китаю, воспринимают режим как однозначный пример диктатуры страха. В беспокойных регионах проводятся безжалостные репрессии. Более миллиона уйгуров, казахов и представителей других народностей были согнаны в лагеря перевоспитания в Синьцзяне, а те, кто пока остается на свободе, живут в страхе⁷⁴. Их каждый шаг отслеживается с помощью вездесущих технических средств. Своей железной хваткой Си явно надеется произвести впечатление на сторонников продемократического движения в Гонконге. В 2019 году он заявил, что сепаратисты в Китае «будут разбиты вдребезги»⁷⁵. Попытки расколоть Китай «закончатся раздавленными телами и раздробленными костями»⁷⁶. С июня 2019-го по январь 2021-го были арестованы больше 10 200 участников акций протест-

72 Coonan C. Democracy Not for China.

73 Roberts M. E. Censored. Мы вернемся к этому вопросу в четвертой главе.

74 Amnesty International, Changing the Soup; DeHahn P. More than 1 Million Muslims are detained in China.

75 Davies G. President Xi Jinping vows Chinese separatists.

76 Saunders D. Xi Jinping's Threats.

стов в Гонконге⁷⁷. И многие из этих репрессий проводятся вполне открыто. Хотя поначалу Пекин отрицал существование лагерей в Синьцзяне, китайское руководство скоро перешло к тактике их оправдания⁷⁸. И даже в регионах, где не проживают национальные меньшинства, признания своей вины диссидентами показывают по телевизору; это производит жуткое впечатление. У подобных методов может быть только одна цель – устрашение⁷⁹.

Какое-то время казалось, что Китай уверенно движется в сторону диктатуры обмана. Генеральные секретари Компартии Китая Цзян Цзэминь (1989–2002) и Ху Цзиньтао (2002–2012) допускали некоторое общественное обсуждение либеральных идей⁸⁰. Благодаря частичной коммерциализации медиаиндустрии начали выходить журналистские расследования⁸¹. Главная вечерняя новостная программа китайского телевидения «Синьвэнь Ляньбо» оставалась ходульной и пропагандистской: по саркастическому замеча-

77 Согласно спискам активистов. См.: Hong Kong Watch, Political Prisoners Database.

78 Blanchard B., Miles T. China Tries to Spin.

79 Myers S. L. How China Uses Forced Confessions; Singer P. W., Brooking E. T. LikeWar. P. 99.

80 Zhao S. Xi Jinping's Maoist Revival.

81 Tong J. The Taming of Critical Journalism in China. P. 80; Lorentzen P. China's Strategic Sensorship. Просочившиеся в прессу инструкции для цензоров указывают на переход к большей избирательности в 2008–2012 годах (Tai Q. China's Media Sensorship).

нию одного из комментаторов, любой, кто смотрит ее, чтобы узнать новости, или «лжец... или псих»⁸². Но на других каналах научились производить стильные «поясняющие» видеоролики с анимацией, инфографику и патриотическую документалистику⁸³. Впрочем, когда в 2012-м у руля Компартии встал Си, он отыграл все назад. Помимо усиления репрессий в Синьцзяне, Тибете и Гонконге, он повел решительную борьбу с прессой, увольняя команды репортеров-расследователей и отправляя в тюрьму все большее число журналистов⁸⁴. Последний раз интонации провластной газеты «Жэньминь жибао» были такими восторженными во времена культурной революции⁸⁵. Даже коммерческие издания, в которых политической тематике уделяется намного меньше места, пишут о властях исключительно в положительном ключе⁸⁶.

Как Саудовская Аравия под управлением МБС, так и Китай, руководимый Си, представляют собой удивительную смесь чудовищных репрессий, замшелой идеологии, современной драматургии и сверхпередовых информационных технологий. Оба государства

82 Man Ch. Who Wants to Watch CCTV's Xinwen Lianbo Program?

83 Ma D., Thomas N. In *Xi We Trust*.

84 Tong J. The Taming of Critical Journalism in China. P. 88; Committee to Protect Journalists (Комитет по защите журналистов), *Journalists Attacked in China since 1992*.

85 Carter E. B., Carter B. L. *Propaganda in Autocracies*. P. 141.

86 *Ibid.* P. 150–151.

нанимают хакеров и троллей, чтобы контролировать нарративы социальных сетей и отслеживать активность инакомыслящих⁸⁷. Оба лидера умеют работать на публику гораздо лучше, чем классические тираны прошлого века. Но оба не могут отказаться и от страха как инструмента управления. В общении с международным сообществом саудовцы отвергают причастность к любым актам насилия, включая убийство в 2018 году журналиста Джамала Хашогги⁸⁸. Но внутреннюю аудиторию хорошо информируют о репрессиях, поскольку они служат инструментом запугивания. По данным «Исламской комиссии по правам человека», в 2018 году в стране насчитывалось около 30 000 политических заключенных, а в качестве наказания применялись публичная порка плетьюми и казнь через отсечение головы, после которой тело преступника выставлялось на всеобщее обозрение⁸⁹. По сооб-

87 МБС также отвергает демократию, но обхаживает западных инвесторов и политиков. По его собственным словам, «[наше] преимущество заключается в скорости принятия решений: быстрые изменения в абсолютной монархии проводятся за один шаг, а в традиционных демократиях нужно сделать десять шагов» (Hubbard B. MBS).

88 Позднее власти Саудовской Аравии признали ответственность, но возложили вину на участников «несанкционированной операции». См. Jamal Khashoggi. BBC; и Rappreport A. Saudi Crown Prince Calls Khashoggi's Death «Heinous».

89 Islamic Human Rights Commission («Исламская комиссия по правам человека»), IHRC's UPR Report on Saudi Arabia; Human Rights Watch, Saudi Arabia; Saudi Blogger Receives First 50 Lashes of Sentence for «Insulting

щениям журналиста Бена Хаббарда, «все настолько пронизано страхом, что... многие саудовцы не ведут разговоров по телефону или прячут свои телефоны в холодильник, когда встречаются с друзьями»⁹⁰. Пекин и Рияд осовременили диктатуру страха, сохраняя приверженность ее базовому принципу.

Люди, знакомые с нашей теорией, иногда проводят параллели между диктаторами обмана и некоторыми политиками в странах, которые принято считать демократическими. Доминирующее положение Сильвио Берлускони на рынке итальянского телевидения и СМИ определило его стиль управления государством. Лидеры-популисты, такие как Нестор и Кристина Киршнер в Аргентине или Андрес Мануэль Лопес Обрадор в Мексике, уловками, свойственными диктаторам обмана, кооптировали ведущие СМИ и маргинализировали всех своих критиков⁹¹. В США Дональд Трамп использовал личный аккаунт в Twitter для увеличения поддержки своих недемократических инициатив.

То, что диктаторы обмана напоминают политиков в слабых (и даже в некоторых сильных) демократиях, не должно нас удивлять. Ведь диктаторы обмана *пыта-*

Islam» // Guardian.

90 Hubbard B. MBS.

91 Waisbord S. All-Out Media War; AMLO's War against the Intelligentsia // Economist.

ются выглядеть демократами. Более того, диктатуры обмана часто возникают на месте слабых демократий, захваченных беспринципными лидерами. Режимы Орбана в Венгрии, Эрдогана в Турции и Путина в России на этапе становления рассматривались многими – и нами в том числе – как несовершенные демократии, а не автократии. Сегодня мы уверенно располагаем их на авторитарном крае спектра. Поскольку режимы варьируются в широком диапазоне, провести границу между самой сомнительной демократией и самой умеренной диктатурой затруднительно.

Диктатуры обмана легко спутать и с нелиберальными демократиями, то есть демократиями, в которых свободно избранные правительства не обеспечивают полной защиты гражданских прав и дискриминируют меньшинства⁹². Орбан, к примеру, во всеуслышание декларирует свои антилиберальные взгляды. По своей сути диктатуры обмана вовсе не демократы. Они не просто нарушают права меньшинств – они манипулируют выборами, чтобы и большинство не смогло отстранить их от власти.

Почему же не все демократии трансформируются в диктатуры обмана? Точно не из-за отсутствия желания непорядочных политиков. Что удерживает стабильные

92 См. Zakaria F. The Future of Freedom, и Mukand S., Rodrik D. The Political Economy of Liberal Democracy.

демократии от превращения в диктатуры обмана? В политологической традиции принято считать, что это демократические *институты*. Многопартийные выборы, закрепленная в конституции система сдержек и противовесов, правовые процедуры и независимый суд связывают потенциальных диктаторов по рукам и ногам. Наличие правил и процедур, несомненно, важно. И все же, как мы доказываем на протяжении всей книги, одних формальных институтов недостаточно. Сами по себе они не сдерживают лидера⁹³. Современные диктаторы обмана прикрывают свою автократическую природу именно формальными демократическими институтами: они манипулируют выборами, выводят из строя систему сдержек и противовесов, переписывают конституции и заполняют суды своими лоялистами⁹⁴.

Вопрос не в том, существуют ли в государстве необходимые институты, а в том, что мешает лидерам их саботировать. Лучшей защитой для демократии мы считаем активное сопротивление информированных граждан⁹⁵. Как и в диктатурах, в современных

93 Meng A. Constraining Dictatorship.

94 Levitsky S., Way L. A. Competitive Authoritarianism.

95 Под «информированными» мы подразумеваем тех, кто осознает характер режима и обладает навыками и ресурсами для организации сопротивления общества. Члены этой группы не обязательно богаты или имеют хороший доход. Сходные идеи высказаны в Acemoglu D. We Are the Last Defense against Trump.

демократиях эта группа населения – люди с высшим образованием, навыками коммуникации и международными контактами – играет ключевую роль. Высокообразованные граждане, как правило, умеют анализировать информацию и обладают организационными навыками, а также имеют детальное понимание устройства системы управления государством. Если информированных граждан много и если они обеспечены ресурсами, они могут документировать злоупотребления правящей верхушки, сообщать о них общественности, организовывать социальные и политические движения, проводить эффективные избирательные кампании и протесты, привлекать недобросовестных политиков к суду и координировать свою деятельность с международными структурами и иностранными правительствами. Они могут сопротивляться попыткам политиков узурпировать власть, как миллионы юристов, судей, чиновников, активистов, журналистов и простых людей в США, боровшихся в 2016–2021 годах против инициатив одного нигилиста в Белом доме. Самая лучшая конституция будет слабой защитой без активной позиции людей⁹⁶.

96 В ряде стран действуют конституции, похожие на конституцию США, но сами они подвержены политической нестабильности, а политическая борьба там ведется недемократическими методами. Согласно Лоу и Верстиг (Law D., Versteeg M. *The Declining Influence of the US Constitution*), конституции следующих пяти стран наиболее приближены к амери-

Для существования и работоспособности институтов демократического правления необходимо стойкое сопротивление информированных граждан⁹⁷.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

В следующих главах мы рассмотрим все инструменты диктатуры обмана. Узнаем, как диктаторы обмана избегают в политической борьбе насилия или маскируют его (глава 2), завладевают умами граждан с помощью изощренной пропаганды (глава 3), обходятся без грубой цензуры, чтобы контролировать СМИ (глава 4), имитируют демократию (глава 5) и взаимодействуют с внешним миром (глава 6). В каждом случае мы остановимся на ключевых эпизодах и выведем на первый план тех лидеров, кто стоял у истоков этой модели. Мы сопоставим приемы новейших диктаторов обмана с более прямолинейными методами их предшественников в XX веке. Наши примеры везде, где возможно, будут сопровождаться ссылками на статистические данные (в разделах «Сверимся с данными»

канской: Либерия, Тонга, Филиппины, Кирибати и Уганда.

97 Конечно, в долгосрочной перспективе этот сегмент может вырасти и включить в себя большую часть населения, обеспечив более надежную защиту демократии.

и в онлайн-приложении к книге)⁹⁸.

Завершив подробное описание двух видов диктатур, в седьмой главе мы предложим свою интерпретацию исторического перехода от диктатуры страха к диктатуре обмана. Как нам представляется, этот процесс был запущен взаимозависимыми силами модернизации и глобализации. Собственно, эти же силы привели в движение «третью волну» демократизации после 1974 года. Модернизация и глобализация создают давление в пользу политической открытости, а диктатура обмана служит средством защиты от нее – автократы подменяют истинную демократию имитационной. Но в условиях непрекращающихся модернизации и глобализации давление растет – и рано или поздно

98 Помимо нашей базы данных Authoritarian Control Techniques мы используем политические данные Center for Systemic Peace (Polity IV, Основные эпизоды политического насилия, Major Episodes of Political Violence), Correlates of War (база данных по вооруженным межгосударственным спорам, Militarized Interstate Dispute Database), V-DEM, Archigos (см. Chiozza G., Goemans H. E. International Conflict and the Tenure of Leaders), базы данных по массовым убийствам Mass Killings Database (см. Ulfelder J., Valentino B. Assessing Risks of State-Sponsored Mass Killing), данные по убийствам журналистов Комитета по защите журналистов (Committee to Protect Journalists), NELDA (Hyde S. D., Marinov N. Which Elections Can Be Lost?), и Freedom House (Freedom of the Press (свобода прессы), Freedom on the Net (свобода в интернете)). Мы используем данные Всемирного исследования ценностей (World Values Survey) и Всемирного опроса Института Гэллапа (Gallup World Poll), а также экономические данные Всемирного банка, МВФ и из статьи Фукена и Юго (Fouquin M., Hugot J. Two Centuries of Bilateral Trade and Gravity Data).

заставляет страны, не располагающие большими запасами нефти, двигаться в сторону демократии.

Впрочем, диктаторы обмана изо всех сил тормозят этот процесс. Для этого им нужно заставить замолчать информированных граждан – с помощью кооптации или скрытой цензуры. Однако с ростом экономики растет и размер этой группы; таким образом, ее нейтрализация обходится все дороже. Вот почему стратегия обмана в современном мире дает лишь временную передышку. Правда, в умелых руках она может затянуться на годы. Эта модель достаточно эффективна, поэтому – несмотря на то, что обычно модернизация создает необходимую для демократизации среду, – переход к демократии может быть отсрочен. В заключительной восьмой главе мы делимся своими соображениями о будущем диктатур обмана и о том, что может предпринять Запад.

Но сначала давайте познакомимся с отцом-основателем модели диктатуры обмана, который первым задумался о политических издержках открытых репрессий.